БЕЛЫЙ ШАЙЕН

Автор:
Сергей Юров

БЕЛЫЙ ШАЙЕН

Сергей Дмитриевич Юров

Великолепный историко-авантюрный роман о покорении необозримых просторов Дикого Запада. О жизни и захватывающих приключениях потомка русского переселенца, связавшего свою судьбу с индейцами самых непокорных племен Великих равнин. О погонях и кровавых битвах, о поисках золота и любви, о чести, бесстрашии и гордости. Увлекательные страницы придутся по душе всем, кому дороги дух и традиции вестерна и индейской тематики.

БЕЛЫЙ ШАЙЕН

Сергей Дмитриевич Юров

Иллюстратор Юрий Михайлович Юров

© Сергей Дмитриевич Юров, 2020

© Юрий Михайлович Юров, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-6553-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Глава 1

Пыльный причал Канзас-Сити кипел жизнью, когда я ступил на него в полдень 15 апреля 1865 года. Пароход «Дальний Запад» доставил на эту окраину цивилизации и меня, молодого двадцатипятилетнего парня, вознамерившегося увидеть жизнь границы собственными глазами.

Родной Сент-Луис остался далеко позади. После того как скончался долго болевший отец, ничто больше не удерживало меня в нем. Моя мать умерла в родах с первым моим криком. Дальние родственники жили на восточном побережье, и у меня не возникало никакого желания топтать тротуары шумного Бостона. Работа же клерка мне опротивела настолько, что я смотрел на свои обязанности как на нескончаемую пытку.

В отрочестве все свободное время я проводил в окрестных лесах и долинах с ружьем в руках, или на ранчо богатого Гарри Триппла, занимаясь объездкой молодых скакунов. В последние годы из-за болезни отца мне пришлось ограничить эти приятные занятия, но тогда же я открыл для себя целый мир увлекательных книг о Дальнем Западе, населенном отважными горцами, дикими индейцами, капитанами караванов и речными пиратами.

Любовь к охотничьим странствиям и лошадям досталась мне в наследство от деда по отцовской линии. Я немного помнил этого высокого, плечистого здоровяка и балагура, любившего рассказывать внуку русские сказки. Да, мой дед был чистокровным русским. Григорием Петровичем Козленковым, крепостным крестьянином князей Голицыных. Служил он псарем у молодого князя Дмитрия Голицына, чей отец. Дмитрий Алексеевич, был известнейшим российским дипломатом. Отвергнув богатое наследство и сложив с себя княжеский титул, младший Голицын покинул Россию в сопровождении

нескольких слуг, чтобы переплыть океан и стать в глухих лесах штата Пенсильвания простым миссионером. В числе этих слуг был и мой дед. Позже Голицын отпустил его на волю, и неугомонный русский крестьянин отправился искать счастья в девственных землях Америки. Он прошел Огайо и Кентукки, Индиану и Иллинойс, пока судьба не занесла его в Сент-Луис. Тут скиталец, наконец, врос корнями в землю, женившись на симпатичной шотландке, Мэри Макферсон. По мере того как дед продвигался вглубь континента, менялась и укорачивалась на американский лад его русская фамилия. Сначала он был Котленкофф. потом стал Котлином, и уже в Сент-Луисе его все знали как Грегори Кэтлина.

Вылитый дед! – часто говорил мне отец, когда я вместо того, чтобы впитывать в себя школьные знания, уставшим возвращался с охоты и валился на кровать.

Однако здесь надо заметить, что неотесанным увальнем и отшельником меня никак нельзя было назвать. Даже пропуская занятия, я неизменно числился в списке преуспевающих учеников сначала в школе, а потом в престижном Уэбстеровском колледже Сент-Луиса. И именно поэтому отец смотрел на мои лесные отлучки сквозь пальцы, надеясь, что в будущем я образумлюсь и стану главой какой-нибудь коммерческой фирмы, а не вечным, как дед, скитальцем.

Мой интерес к Западу подогревался еще и тем, что по соседству с нами жил старый Том Уокер, бывший служащий Американской Пушной Компании. Его интереснейшие рассказы сбегались слушать мальчишки со всей округи, ну а самым благодарным слушателем был конечно я. Я приходил к нему запросто, и он считал меня своим юным другом. Он нередко пророчествовал: «Нет, мальчик, не здесь твое место. Наступит время, и тебя унесет из Сент-Луиса неудержимый ветер прерий».

Том был траппером, исходившим вдоль и поперек все Скалистые горы. По правде сказать, я ему завидовал. Мне казалось тогда, что я опоздал родиться, что мне уже не суждено увидеть Запад таким, каким он остался в памяти Уокера.

И еще одно обстоятельство, может быть, самое главное. Моим однокашником по Уэбстеровскому колледжу был Джордж Бент, метис из племени южных шайенов. Вот уж с кем довелось всласть наговориться об интересующей меня теме! Джордж умел неплохо рисовать, и подкреплял свои рассказы добротными рисунками, которые, конечно, не могли соперничать с замечательными работами

Джорджа Кэтлина, моего американского однофамильца, но чувствовалось, что в них вложена его индейская душа. В его коллекции можно было увидеть пейзажи рек Рипабликен и Смокки-Хилл. бытовые зарисовки, сценки из охотничьей жизни и портреты знаменитых вождей, нарисованные по памяти. Облаченные в красивые одежды из замши и украшенные воинскими регалиями с рисунков на меня смотрели Черный Котел и Белая Антилопа, Тощий Медведь и Белая Лошадь. Римский Нос и Высокий Бизон. Все это было просто восхитительно.

Уезжая из Сент-Луиса на родину, Джордж Бент тепло распрощался со мной и, зная о моих желаниях, приглашал к себе. Но сыновний долг обязывал находиться дома. Я искренне любил отца и был подле него до конца. Жестокий туберкулез в те дни собирал богатую жатву.

Я похоронил отца на кладбище Святого Петра рядом с могилами русского деда и матери.

Итак, передо мной открылась дорога на Запад. Однако к 1865 году отношения между индейцами прерий и белыми жителями границы резко обострились. Об этом ходили слухи, об этом наперебой шумели газеты. Я понимал, что отправляюсь навстречу совершенно неизведанному будущему. Но понимать – не значит соглашаться, и я, отбросив все сомнения, собрался в путь. Я решил доплыть на пароходе до Канзас-Сити, а уж там поискать возможность присоединиться к охотникам на бизонов, или к походному каравану, чтобы не в одиночку добираться до фермы Бентов на притоке Арканзаса.

Мне удалось выгодно продать свой дом, и на часть вырученных денег купил себе карабин системы «спенсер» и шестизарядный «кольт».

Покидая родной город, я счел нужным нанести прощальный визит старине Тому. Часто навещая Уокера, я заставал его за чисткой ружья. Это был длиннющий дальнобойный «шарпс», с которым он скитался по Скалистым горам. И сейчас он занимался своим любимым делом.

– Неужели уезжаешь, мальчик? – светло голубые глаза старика скользнули по моей фигуре и остановились на походной сумке. – Ну, что я говорил, а? – Он широко улыбнулся. – Запад набросил-таки на тебя лассо!

Тронув его ружье, я сказал с юмором:

– Да и ты, дядюшка Том, не прочь пострелять из этой музейной редкости где-нибудь на Западе, да тетя Джейн не пускает.

Старая супруга Уокера вечно ворчала, когда тот брал в руки оружие или вспоминал былые дни. Как будто и впрямь боялась, что страдающий ревматизмом муж сбежит из дома.

– Тс-с! – Том прижал палец к губам. – Она в соседней комнате. Не дай Бог услышит о Западе, так будет ворчать весь день и следующий прихватит в придачу. – Он вдруг вскинул брови и гаркнул: – О чем я говорю? Что ж нам, шептаться, если ты, дружище Джо, как раз туда и собрался!

На его зов из соседней комнаты вышла тетя Джейн, как всегда в своем неизменном голубом чепчике. Услышав, что я отправляюсь в путь, она всплеснула руками, пустила слезу, обняла меня и с тяжким вздохом уселась рядом с мужем.

– И куда же ты направишься, мальчик? – спросил Уокер, откладывая шарпс в сторону.

– До Канзас-Сити. а там видно будет.

– Да-да, Канзас-Сити, – вздохнул старик. – Бывал я там. Тогда в этом Сити не насчитывалось и дюжины домов. А теперь, я слышал, это настоящий улей.

– Столица Запада, говорят.

– А чем будешь заниматься?

– Не знаю. Может быть, примкну к какой-нибудь партии охотников на бизонов. Ты помнишь, дядя Том, я всегда мечтал увидеть прерии.

Старик качнул головой и поскреб заросший седой щетиной подбородок.

– Жаль, Джо, что я ничем не могу тебе помочь. В смысле того, чтобы определить тебя к моим давнишним друзьям… Но где они теперь? Бог весть. Был моложе, не терял с ними связи. Все думал еще малость побаловаться с этим ружьецом. – Он развел руками. – А сейчас мне уже не сдюжить… Вот ребятки мои, те еще в седле. Они ж, поди, все помоложе… Ну да, конечно. И Джимми Бриджер, и Билли Уильяме, и Кит Карсон, все они.

Старик помолчал немного и закончил:

– Но ты молод, сынок, и это главное. Будут у тебя и друзья и недруги. Такова уж жизнь. Только всегда оставайся человеком!

С этим напутствием и оставил я уютный домик старого ловца бобров.

…Канзас-Сити шестидесятых был самым оживленным местом на Западе. Этот пестрый приграничный город стоял на пересечении всех малых и больших путей как с Востока на Запад, так и обратно Из него вверх по Миссури уходили пароходы в страну индейцев тетонов-сиу, и еще дальше в места кочевий ассинибойнов и черноногих. Отсюда начинали свой путь караваны, которым предстояла долгая дорога по знаменитой Тропе Санта-Фе, оканчивающейся в далеком мексиканском штате Чиуауа. Из Канзас-Сити отправлялись в прерии и охотники на бизонов.

После завершившихся сезонов сюда стекались все пограничные люди. Здесь бывали трапперы и торговцы, охотники и ковбои, разведчики и проводники, лесорубы и погонщики мулов. Они превращали этот город в место бесконечного веселья, а также жестоких драк и перестрелок. Здесь ковбои, зарабатывающие большие деньги за доставку скота из Техаса, спускали их в салунах за считанные дни. Трудно добытое золото старателей быстро перекочевывало в карманы картежников и барменов.

Одним словом Канзас-Сити был воротами на Запад, распахнутый для бесконечного потока путешественников, среди которых оказался и я.

Сойдя на берег, я немного задержался на нем, чтобы осмотреться, и в спокойной обстановке вступить на главную улицу Столицы Запада. Я отошел к большому стеллажу сосновых бревен, на одном из которых сидел какой-то пожилой человек. Мельком взглянув на него, я присел рядом.

Толчея и суматоха на берегу понемногу стихали. Встречающие нашли своих знакомых или родственников и отправились в город. Остальные пассажиры «Дальнего Запада», не задерживаясь подобно мне, у причала, длинной вереницей шли по направлению к Мэйн-стрит. Вскоре лишь грузчики остались на берегу.

– Черт возьми! – раздался зычный голос моего соседа по бревну, – Пропади все пропадом! Сколько мне еще торчать в этом битком, набитом людьми городе? – Он встал и с силой хлопнул ладонями по бедрам. – Проклятье!

Я внимательно всмотрелся в старика и с удивлением обнаружил, что где-то встречал это крупное лицо с характерным твердым подбородком, синими глазами и внушительным кадыком.

– Ба!.. – непроизвольно вырвалось у меня. – Джимми Бриджер!

Я вспомнил, где видел это интересное лицо. Оно красовалось на обложках многих дешевых книжечек, повествующих о легендарном времени первых трапперов.

Старик окинул меня взглядом и произнес:

– Мне кажется, мы с тобой не знакомы, парень.

– Верно, – сказал я. – Но я десятки раз видел твое изображение на обложках. Я много читал о трапперах.

– Хм, – самодовольно хмыкнул Бриджер. – Вон оно что. Эти писаки, к слову сказать, большие плуты. Марают бумагу, врут, приписывая Бриджеру подвиги, которые ему и не снились.

– Ну не всегда же они врут. Кстати, я знаю о подлинной жизни Бриджера больше, чем все писатели вместе взятые.

– Вот как! – Старик с интересом посмотрел на меня.

– Сам я из Сент-Луиса. Моим соседом по улице был Том Уокер…

Услышав это имя, Бриджер заулыбался, его глаза лучились теплом.

– Что ты говоришь?! Старина Томас – твой сосед?!.

Он снова уселся на бревно и, взяв меня за локоть, принялся расспрашивать об Уокере. Я с охотой отвечал на все его вопросы. Видно было, что Бриджеру доставляет немалое удовольствие видеть и слушать человека, который лично знал его давнишнего приятеля. Потом он сам разошелся и долго рассказывал мне о том, как они вместе с Уокером осваивали охотничьи пространства Скалистых гор. Многое из того, что мне довелось услышать от Бриджера, я уже знал, но из уважения к прославленному горцу не перебивал его, про себя радуясь, что этот великий траппер встретился на моем пути.

Когда он угомонился, я счел нужным рассказать о себе и своих намерениях.

– Во-первых, – предложил он мне, – тебе нужна гостиница. И та, в которой я поселился, подойдет для тебя. Она называется «Париж», расположена в тихом месте и отличается скромной платой за жилье. Во-вторых, вечером я познакомлю тебя кое с кем из своих приятелей. И последнее, коли Джим Бриджер, помогает тому, кто дружил с Томом Уокером, то делает это от чистого сердца… А теперь, пойдем.

Прежде чем тронуться с места, я поинтересовался у траппера:

– Ты, кажется, ждал сегодня кого-то?

Бриджер нахмурился и буркнул:

– Одного типа, который думает, что мое терпение беспредельно. Мне надоело каждый день ходить к причалу. – Он сплюнул на песчаный берег. – Не люблю, когда не держат своих обещаний… Но для тебя это не интересно. Идем!

Вскоре мы уже шагали по главной улице Канзас-Сити. В это полуденное время она была почти пуста. Довольно жаркое солнце апреля загнало обитателей города под крыши домов и салунов. Последних было, как мне показалось,

чересчур много даже для Столицы Запада. Хотя, надо признаться, ни один из них не пустовал. Видно, трезвенниками в этом городе и не пахло.

Мы собрались было свернуть в переулок, ведший к гостинице «Париж», когда с дальнего конца Мэйн-стрит послышался грохот несущегося на всех парах конного экипажа. Невольно мы остановились. В тучах пыли к нам приближалась шестерка бешено скачущих лошадей, запряженных цугом. Перепуганный вид старого возницы ясно говорил о том, что лошади понесли. Редкие прохожие шарахались в стороны, в изумлении провожая взглядами дикую запряжку.

Я стоял в нерешительности до тех пор, пока до моего слуха не донеслись громкие крики женщин, находившихся в экипаже. Затем меня сорвало с места. В следующие мгновение я уже висел в упряжи передовой, ближней ко мне лошади. Меня трясло и швыряло, как камень в трещотке индейского шамана, но моя хватка не

Сначала экипаж катился с прежней скоростью. Потом моя лошадь стала притормаживать, задерживая остальных животных.

Я стал надеяться на благоприятный исход этого инцидента, как вдруг вся шестерка лошадей резко сдала влево, в мою сторону. Чтобы не оказаться под копытами и колесами экипажа, я всем телом рванулся назад. Моя голова ударилась обо что-то твердое, и я потерял сознание…

Чувства медленно возвращались ко мне. В голове гудело. Сквозь полу прикрытые веки я различил фигуры двух девушек склонившихся надо мной. Они о чем-то говорили. Я прислушался к их разговору, все ещё не в силах разогнать окутавший мою голову туман.

– Он, кажется, приходит в себя.

После этих слов я почувствовал на своем лице прикосновение.

– Этот молодой человек спас нам жизнь, Элизабет.

– Ох, Лаура, если бы не он, наш экипаж разнесло бы в щепки… Негодный кучер, негодные лошади! Я сегодня же скажу отцу, чтобы он выгнал старого

бездельника и сменил лошадей.

– Извините меня, мисс Карстерс. – Голос принадлежал, по-видимому, вознице. – Я делал все возможное…

– Замолчите, Питер! Я не желаю слушать ваших оправданий… Лаура, посмотри, нет ли у него раны на голове.

Мягкие женские пальцы пробежали по моим вискам, лбу, темени.

– Есть, кажется, ссадина и на темени растет великолепная шишка.

– Ну, это полбеды, – рассмеялась Элизабет.

Я шире открыл глаза и увидел над собою лицо Лауры. Оно меня поразило сразу. Красота его была ошеломляющей. Представьте себе большие карие глаза в обрамлении длинных густых ресниц, высокий чистый лоб, тонкий нос с едва заметной горбинкой, полные яркие губы, твердый округлый подбородок, высокие скулы, и все это в сочетании с матово-смуглой экзотической кожей, и вы были бы очарованны не меньше моего.

– С вами все в порядке, мисс? – Я едва узнал свой голос – так он дрожал от перенесенного шока.

– Девушки-то отделались легким испугом, – послышался густой бас Джима Бриджера. – А вот как ты себя чувствуешь?

Я кивнул Бриджеру и огляделся. Я лежал у веранды какого-то салуна. Толпа посетителей высыпала на улицу, обсуждая случившееся. Мне стало не ловко.

– Думаю, что ничего серьёзного, Джимми, – сказал я и попытался встать.

На удивление сильные руки девушки прижали мои плечи к земле.

– Лежите смирно, – категорично заявила Лаура. – Вы еще слабы. Сейчас перевяжем вам голову, тогда и поднимитесь.

– О, не стоит волноваться, – возразил я, мягко отстраняя руки девушки. – Мне вполне по силам самому дойти до стенки.

Я встал на ноги, отряхнул с грязной и изодранной одежды пыль, и, взглянув на Лауру, едва сумел сдержать возглас удивления. Передо мной стояла ну просто индеанка, с бирюзовыми бусами на шее, в расшитом многочисленными лосиными зубами платье из тонко выделанной оленьей замши, отороченном густой бахромой, в высоких, до колен мокасинах, сплошь украшенных стежками бисера. Так вот откуда и матово-смуглая экзотическая кожа и чуть выступающие скулы! Но этот чистейший английский язык, и это вполне американское имя – Лаура?.. Хм-м… Я терялся в догадках, пытаясь уяснить для себя, что скрывалось за загадочной внешностью прекрасной незнакомки.

Размышляя над этим, я и не заметил, что она пристально смотрит на меня. В прямом взгляде ее карих глаз были не только сострадание и благодарность, но и еще кое-что, от чего мое сердце сладко екнуло. Это был интерес. Неподдельный интерес женщины к мужчине. К своим двадцати пяти годам я уже мог знать наверняка, что означает этот взгляд. Ловеласом я. конечно, не был. Но за мной числилась не одна легкая победа над девицами. Кажется, я им нравился. Чтобы не прослыть самонадеянным хлыщом, мне придется описать свою внешность с подслушанного разговора двух Сент-луисских девушек. Вот как он звучал: «Ты должна знать Кэтлина. Такой высокий, плечистый, с темными длинными волосами. Глаза?.. Глаза карие… Нос?.. Нос тонкий, прямой… Лицо?.. Лицо узкое, подбородок твердый. В общем, недурен».

Несколько секунд мы глядели глаза в глаза, затем Лаура первой отвела взгляд, а я мысленно выругал себя то, что не опередил ее в этом. В конце концов, надо соблюдать приличия.

– Отважный незнакомец, – взяла инициативу в свои руки Элизабет. – Вы, несомненно, рисковали жизнью, бросившись к нам на помощь. Огромное спасибо! Чем мы сможем отблагодарить вас?

– Ну что вы, мисс. Каждый мужчина сделал бы это.

– Бросьте! – воскликнула она, метнув презрительный взгляд на толпу. – Все мужчины, кроме вас, жались, как побитые псы, к тротуарам! Ваше имя, если можно?

– Джозеф Кэтлин, – с удовольствием представился я.

– Элизабет Карстерс. – она протянула мне руку. – А это, – она указала на Лауру, – моя подруга – Лаура Осборн.

Когда маленькая рука Лауры оказалась в моей руке, я нашел в себе смелость произнести:

– Мисс Осборн, может, это и прозвучит бестактно, но я скажу: вы прекрасны!

– Спасибо за комплимент, мистер Кэтлин.

– Это не комплимент, а непререкаемая истина!

– Вы преувеличиваете.

– Нисколько! Ваша внешность… Она так необычайна…

Наш диалог прервала ее подруга. Элизабет Карстерс, как и Лауре, было не более двадцати лет. Это была миловидная блондинка с ясными голубыми глазами и вздернутым носиком

– Лаура, нам пора, т заявила она полусерьезным тоном. – Неприлично посреди улицы разговаривать даже с тем мужчиной, который избавил нас от опасности. – Она лукаво посмотрела на нас обоих и предложила: – Не лучше ли, моя подружка, для продолжения знакомства пригласить мистера Кэтлина на. завтрашний бал к нам, в «Тройное К»? И отец, и приглашенные, я думаю, будут рады такому гостю.

Я заметил, что это предложение пришлось по душе Лауре, хотя её ответ прозвучал, подчеркнуто корректно:

– Как будет угодно мистеру Кэтлину.

Мне же ничего не оставалось, как ухватиться за предоставленную возможность увидеть Лауру ещё раз, и я произнес:

– Мне очень приятно получить от Вас приглашение. Только есть одна трудность: я впервые в Канзас-Сити и не знаю, где расположено «Тройное К».

– Ах, какая ерунда, – махнула рукой Элизабет. – Наше ранчо в пяти милях от города по западной дороге. Вам не составит никакого труда найти его. Значит, ждем Вас завтра в семь часов вечера?

– Хорошо, постараюсь не опоздать.

Я обменялся с девушками поклоном, и они, поместившись в злополучный экипаж, тронулись в путь.

Мы с Бриджем сначала зашли в аптеку, а потом зашагали к гостинице.

– Ты не знаешь этих девушек, Джим? – спросил я его.

– Впервые вижу, – пожал он плечами. – Я, вообще, мало с кем здесь знаком.

Признаться, я надеялся, что старику что-нибудь известно о Лауре Осборн. Не прошло и пяти минут после расставания с ней, а мне хотелось увидеть её снова, как не терпелось получить хоть какую-нибудь информацию. Девушка понравилась мне сразу, более того, она меня заинтриговала.

За весь путь до гостиницы Бриджер лишь однажды упомянул о моем поступке, но простые слова великого человека границы были больше, чем награда.

– Ты поступил как настоящий мужчина, мальчик, – сказал он и крепко пожал мне руку.

У входа в гостиницу Бриджер задержался и, показывая большим пальцем на дверь, с улыбкой произнес:

– Могу держать пари, что портье дрыхнет за столом. Клянусь, у него сонная болезнь. Спит, как сурок.

Мы вошли в отель, носивший звучное название «Париж». Однако обшарпанные стены и полы убедительно говорили входящему гостю, что это далеко не Париж

и даже не Бордо. Кстати сказать, почти все отели Канзас-Сити претендовали своими вывесками на некое грандиозное великолепие, ибо по пути в «Париж» мы миновали три европейских столицы и какой-то древний город Росси.

Как и предсказывал траппер, портье безмятежно спал. Ни наши громкие шаги, ни покашливание не потревожили его сна. Только когда я сильно тряхнул его плечо, лысоватый старичок подпрыгнул на стуле и уставился своими по-детски голубыми глазами на меня.

– Что прикажите, мистер?..

– Кэтлин… Джозеф Кэтлин, – представился я.

– Очень приятно, молодой человек, – вежливо произнес старик и, переведя взгляд на траппера, улыбнулся: – Ах, Вы, оказывается, с мистером Бриджером!.. Ну-ну, слушаю вас.

– Мне бы хотелось остановиться здесь на неопределенное время. Что вы мне предложите?

– Мистер Ньюком, – обратился к портье Бриджер. – Кажется, соседний номер пустует. Поселите в нем парня.

– О да, конечно, – быстро пролепетал старичок. – Номер «пять» совершенно свободен.

Мы поднялись на второй этаж по скрипучей лестнице и прошли к пустующей комнате.

– Пожалуйста, вот Ваш номер. – сказал портье, подавая мне ключ. – Располагайтесь, будьте как дома.

Он спустился вниз, а мы с Бриджером зашли в номер и осмотрели его. Это была чистая комната с небольшим окном. Кровать, тумбочка, стол – вот и вся обстановка. Я прошелся по номеру и бросил в угол походную сумку.

– Тебе следует отдохнуть, Джо, – посоветовал мне Бриджер. – Выспись, а вечером мы сходим в одно местечко… Идет?

Траппер говорил дело. Путешествие на пароходе утомило меня, и сон был бы большим благом.

– Твоя правда, Джим, – признался я. – Здорово хочется выспаться.

Траппер пожелал мне спокойного крепкого сна и ушел к себе. Я отстегнул ремень с «кольтом» 45 – колибра, разделся и первым делом кое-как заштопал свою пострадавшую одежду. Затем прилег на кровать. Не успела моя голова коснуться подушки, как я отправился в мир сновидений.

Глава 2

Я проснулся около восьми часов вечера. Одевшись и нацепив ремень с оружием, я закрыл номер, и постучался к Бриджеру. Никакого ответа. Я назвался. За дверью было, по-прежнему, тихо. Оставалось только спуститься вниз и справиться о траппере у портье.

Я не ошибусь, если скажу, что любимым занятием старичка-портье, был сон. Даже оглушительный скрип лестницы не сумел вывести мистера Ньюкома из его блаженного состояния. Но мне нужны были сведения, и я разбудил его.

– А-а, – вздрогнул он, с трудом сфокусировав взгляд на мне. – Ох, извините, мистер Кэтлин. Я немного вздремнул тут…

– Ничего, мистер Ньюком, – перебил я – Я хотел спросить Вас о Бриджере.

– О, мистер Кэтлин, не волнуйтесь. Для вас здесь оставлена записочка… Вот она.

Я взял из рук портье записку и прочитал её.

«Джо, я не смог достучаться. Видно, ты крепко спал. Не беда. Приходи в салун Майкла Брэкетта. Он расположен в центре Мейн-стрит, рядом с банком. Я жду тебя.

Джим Бриджер.»

Я поблагодарил старичка и вышел на вечернюю улицу Канзас-Сити. После продолжительного сна хотелось промочить горло стаканом холодного лимонада, и я решил зайти в первый же попавшийся на пути салун. Он назывался «Желтый Орёл». Внутри слышалась яростная ругань, но жажда слишком сильно давала о себе знать, чтобы пройти мимо.

Я решительно переступил порог «Желтого Орла» и замер при виде открывшейся мне картины. Прижавшись спиной к стойке, рослый человек в ковбойской одежде с помощью длинного ножа сдерживал напор троих молодцов весьма сомнительного вида. Четвертый же прокрался за стойкой мимо обезумевшего от страха бармена и занес вооруженную ножом руку над головой ковбоя. Для оценки ситуации мне потребовалось меньше двух секунд. Мой «кольт» перекочевал из кобуры в руку за полсекунды и изрыгнул пламя. Пуля нашла цель. Дико взвыв от боли, прокравшийся за стойку бандит, выронил нож, схватившись за раненую руку. Трое других резко подались в стороны, испуганно глазея на меня.

– Даю пять секунд на то, чтобы вы убрались отсюда ко всем чертям! – Мой голос был твёрд, лицо пылало гневом. – Раз… Два… Три…

Угроза подействовала. Я ещё никогда не встречал такой прыти в людях, которым предложили очистить помещение. Бандиты вылетели из салуна пулей, и потом ещё долго раздавался топот бегущих ног.

– Вот что, значит, зайти даже в такую дыру, как этот «Орел», без оружия, – нарушил молчание ковбой.

– Что здесь произошло, приятель? – поинтересовался я, окинув его внимательным взором.

Выдающийся рост, черные, как уголь, глаза, черные длинные волосы, черные усы и борода сразу бросались в глаза и западали в душу. Такого встретишь раз –

и уже никогда не забудешь.

– Да вот зашел сюда пропустить стаканчик лимонада, – пояснил он, – а те четверо ублюдков решили, что содержимое моего кошелька мне ни к чему. – Он с теплотой посмотрел на меня и протянул руку. – Будем знакомы, избавитель… Тони Сайкз.

– Джо Кэтлин. Я не знаю, как это назвать, но отныне, Сайкз, ты будешь пить лимонад с особым удовольствием.

– Что это значит?

– Это значит, что я посетил салун в опасный для тебя момент в надежде выпить холодного лимонада.

Черный здоровяк затрясся всем телом, издавая что-то наподобие кудахтанья. Это так он оригинально смеялся.

– Черт побери! – выдавил он чуть погодя. – Клянусь, с этого момента рядом с бутылкой виски на моем столе всегда будет стоять бутылка лимонада! – Он посерьезнел. – Знаешь, Кэтлин, я тебя вижу впервые, но что-то мне подсказывает, что ты новичок в Канзас-Сити.

– Действительно, это так… А ты, я полагаю, здесь известный человек. Чем занимаешься, если не секрет?

Я заметил, что Сайкзу пришелся не по душе мой вопрос. Он как-то странно поглядел на меня, в его темном взоре появился холодок.

– На Западе не принято задавать таких вопросов, – в его голосе звучало неодобрение.

– Я думал, что… э-э… что после того, как помог тебе, – смутился я, – то можно задавать вопросы.

Секунду-другую он по-прежнему хмурился, а затем улыбнулся. Но это была вымученная улыбка, в его глазах оставался так не понравившейся мне холод.

– Ну, ладно, Кэтлин. Считай, что я занимаюсь торговлей скота… Давай-ка, лучше выпьем. – Он рассмеялся своим оригинальным смехом, теперь уже вполне радушным. – И запьем холодным лимонадом.

Испуганный бармен засуетился за прилавком и быстро выполнил заказ Сайкза.

Опрокинув стакан виски и запив его лимонадом, Сайкз сказал:

– Вот что, Кэтлин. Поскольку ты впервые на Западе, я дам тебе кое-какие советы… Никогда не выходи на улицу без оружия, не суйся не в свои дела, постарайся вести себя смирно и ты дотянешь до преклонного возраста…
И ещё. – Он снова пожал мне руку. – Тони Сайкз не забывает людей, спасших его от смерти, даже если это обыкновенные прохожие. Он мстит не хуже индейца пауни, но и умеет платить долги.

С этими словами он отпустил мою руку и пошел к выходу. В дверях он обернулся.

– Если наши пути пересекутся, я вспомню случай в дыре «Желтый Орёл».

Я остался стоять в салуне, облокотившись на стойку. Было, над чем поразмыслить. Ещё не угас свет моего первого дня на Западе, а я уже дважды попал в переделки. И все это указывало на то, что это только начало.

– Знаете, кому Вы спасли жизнь? – Голос бармена вывел меня из задумчивости.

– Ну? – Я повернулся к стойке.

– Черному Тони.

– Исчерпывающая информация, – улыбнулся я, когда понял, что это всё.

Бармен нетерпеливо прокашлялся.

– Он правая рука Стива Блэкберна.

– И это имя мне ни о чем не говорит.

Лицо бармена вытянулось.

– Вы что, первый день в этом городе?

– Истинная правда.

Бармен понимающе кивнул и почти что зашептал мне на ухо:

– Я скажу Вам одно: это страшные люди и хоть в Канзас-Сити они бывают не часто, но каждый раз учиняют резню по самому незначительному поводу… Просто удивительно, как это Черный Тони забрел ко мне в одиночестве и без оружия. Вероятно, где-то на этой улице у него любовница.

– Ну, мне не чего бояться этих людей. Ведь одному из них я спас жизнь.

– Может быть, может быть, – неуверенно пробормотал он.

– Но от чего эти люди Вам кажутся страшными?

Бармен медлил с ответом, собираясь с мыслями, затем высказался так:

– Не могу сказать ничего определенного. Просто за ними закрепилась дурная слава, хотя этот босс Блэкберн из почетной семьи и доводится близким родственником одному из самых уважаемых владельцев ранчо в окрестностях Канзас-Сити.

– Кому же? – Мой вопрос прозвучал без всякого интереса.

– Кевину Карстерсу, хозяину «Тройного К».

– Вот так-так! – вырвалось у меня. – Оказывается, я имею прекрасную возможность познакомиться с близким родственником Элизабет, человеком, нагоняющим страх на Канзас-Сити!

– А говорите, Вы новичок в городе, – упрекнул меня бармен,

Я предположил, что хозяин «Желтого Орла» может поделиться со мной сведениями о Лауре и рассказал ему о дневном инциденте на Мэйн-Стрит.

– Вы говорите, её зовут Лаура? – После моего рассказа спросил он.

– Лаура Осборн.

– Носит индейскую одежду?

– Да она вылитая индейская принцесса!

– Ну, если не ошибаюсь, именно в эту, не то индеанку, не то мексиканку по уши влюблен Стив Блэкберн.

Помню, я не задал больше не одного вопроса. Просто вышел из салуна, не простившись с хозяином, и медленно побрёл к главной улице города, удрученный и подавленный. Итак, первая, действительно первая по-настоящему понравившаяся мне девушка любима другим мужчиной, Стивом Блэкберном, главарем какой-то чрезвычайно опасной шайки… Но разделяет ли его чувство сама Лаура? Этого я, конечно, не знал, и мне оставалось лишь уповать на то, что это было не так.

По пути в салун Майкла Брэкетта я прошел мимо нескольких заведений подобного рода. Залы салунов были ярко освещены, в них толпились захмелевшие клиенты, игравшие в покер и распевавшие модные песенки. Постоянно слышалась божба вперемешку со звоном посуды и стекла.

Наконец внушительное здание под вывеской «Салун Майкла Брэкетта» предстало перед моими глазами. Если этот салун и отличался от только что увиденных мною, то только своими размерами. Да, это строение было шире и выше других заведений, но на том отличие и заканчивалось.

Я зашел внутрь и, задержавшись у двери, принялся разглядывать разношерстную публику, среди которой надеялся отыскать Бриджера.

Почти все столики были заняты. Вокруг двух больших столов столпилась куча посетителей. Здесь бойко шла игра в покер. Судя по вспотевшим красным лицам

и развязанной речи, участники игры достаточно накачались виски, бренди и другими крепкими напитками.

Рядом с эстрадой какие-то пьянчуги, скорее всего, ирландцы, лихо отплясывали джигу под аккомпанемент пиликающей скрипки и расстроенного пианино. Многие кто сидя, кто стоя подбадривали плясунов хлопками и поощрительными возгласами.

Словом, веселье было в самом разгаре.

Я увидел Бриджера сидящим за одним столом с грузным круглолицым человеком в замшевой одежде с обильной бахромой.

– Присаживайся, Джо, – весело сказал Бриджер, когда я подошел к столику. – Присаживайся и знакомься с моим добрым приятелем… Помнишь, я говорил, что познакомлю тебя кое с кем вечером?.. Так вот это и есть тот человек.

Обменявшись рукопожатием и назвав свои имена, мы улыбнулись друг другу. Кристофер Джеймс был добродушным пятидесятилетним толстяком с живыми озорными глазами и подвижными чертами круглого лица. В ходе последующего разговора я узнал, что он был охотником на бизонов. Я поинтересовался у него, как прошла его последняя экспедиция в прерии.

– Мы охотились у истоков Рипабликэн, в землях шайенов и арапахов. Теперь времена изменились, идет, по сути, настоящая пограничная война, и нам приходилось держать ухо востро. К счастью, у меня хорошие отношения с вождями этих племен. В общем, все закончилось благополучно, и месяц назад мы вернулись с большим запасом бизоньих шкур.

– Значит, так, – вставил Бриджер. – Надо прояснить дело сразу. – Он повернулся к Джеймсу. – Крис, ты тут заговорил об охоте на бизонов, о шайенах и будет к месту сказать, что этот парень, – Бриджер похлопал меня по плечу, – спит и видит, как бы поскорее добраться до фермы Бентов… Как ты отнесешься к тому, чтобы взять Джо с собой в следующей экспедиции. Ты, по-моему, планируешь отправиться в тот же район через неделю?

– Да, да, через неделю, – подтвердил Джеймс и окинул меня взглядом живых карих глаз. – Ты, Джо, получается, знаешь Бентов?

– Одного из них, – уточнил я. – Джорджа. Мы учились вместе в колледже Сент-Луиса.

– Ага, – кивнул головой Джеймс. – А вот что я тебе скажу: здесь, в Канзас-Сити сейчас находиться брат Джорджа, Чарли Бент.

Для меня это было полной неожиданностью, и довольно-таки приятной. Неугомонный младший брат Джорджа, оказывается, в Канзас-Сити! Превосходно! Теперь у меня будет провожатый из самого семейства Бентов. Нужно только увидеться с ним. Я вспомнил, что в своих письмах к брату, Чарли и Роберт часто передавали привет учащемуся, который рвётся побывать у них в гостях, то есть – мне.

– А где я его могу увидеть? – спросил я охотника.

– Может, сегодня он зайдет сюда…

– Он бывает здесь? – удивился я, сам не зная почему.

– А что, разве метисам сюда вход воспрещен? – улыбнулся Джеймс.

– Да, нет, почему же. – смутился я. – Просто все так неожиданно… А как он оказался в Канзас-Сити?

– Три года подряд он провожает сюда одну родственницу… Нет, Джо, ты, в самом деле, хочешь отправиться на Запад? – переменил он разговор. – Тебя не смущает, что там сейчас опасно?.. Понимаешь, время визитов к шайенам кончилось. Эта резня на Сэнд-Крик всполошила не только их. Арапахи и тетоны тоже злы как никогда.

– Ну, я же буду на ферме Бентов, под их защитой… Только не пойму, от кого им защищать меня. От шайенов?

– Эх, Джо, – вздохнул Джеймс, – Уильям Бент со своим семейством в странном положении. Сам он чистокровный белый, как ты, наверное, знаешь, но его дочери и сыновья – метисы, которые предпочитают жить как индейцы и держат их сторону. Да и сам Уильям слишком хорошо относится к шайенам, чтобы

не вызвать гнев у армии и поселенцев…. Вот какая закавыка…

– Я не отступлюсь от своей затеи, – упрямо возразил я.

– Затея затеей, Джо. А там, где ты хочешь побывать, надо иметь и смелость, и мужество, и выдержку. Даже я туда поеду в последний раз.

– Э-э, ты это брось, Крис, – вмешался Бриджер. – Коль парень решил, то нечего его отговаривать. А насчет смелости и мужества, то у него этого хватает. Сегодня я кое-что видел.

И он рассказал Джеймсу о том, как я остановил запряжку.

Охотник взглянул на меня иными глазами.

– Ну, что здесь сказать? Отважный поступок… А как звали тех девушек, которые были в экипаже? Ведь интересно, кто из моих горожан тебе обязан жизнью.

Похоже, в лице Кристофера Джеймса я нашел сведущего человека, который сможет рассказать мне о Лауре.

– Я отвечу на этот вопрос с удовольствием, – поспешно сказал я. – Дело в том, что одна из них мне очень понравилась…

– Так кто же они?

– Элизабет Карстерс и Лаура Осборн.

Охотник повел бровями и самодовольно закивал головой.

– Знаю я этих малышек… И какая же из них тебе приглянулась?

– Лаура.

– Хм-м, Лаура, значит.

– Крис, я хотел бы знать о ней всё.

Джеймс подумал о чем-то и протянул:

– Ну, допустим, все я тебе о ней не расскажу, но за многое ручаюсь. – Он как-то весело взглянул на меня. – Об остальном ты услышишь от Чарли Бента.

Я недоуменно уставился на охотника.

– А причем здесь Чарли?

– А притом, что именно Лауру эти три года он провожает в Канзас-Сити. Она ему троюродная сестра. На этот раз они привезли сюда и младшую сестру Римского Носа.

И вот что мне поведал старый Джейс в салуне Майкла Брэкетта под неумолчный гомон посетителей:

– Дэвид Осборн, отец Лауры, прибыл в эти края лет, эдак, двадцать пять назад. Он был доктором по профессии и некоторое время жил в Канзас-Сити, занимаясь врачебной практикой. Однако скоро ему это надоело. Он решил переменить жизнь и переменил её в корне. В милях пятнадцати к западу от города он выстроил себе просторное ранчо и занялся скотоводством. Как оказалось, дело это у него пошло прекрасно, он ни о чем не жалел, а если приходилось, то только о том, что в просторном доме не хватает тепла женских рук. А ведь ему уже было около сорока.

И как это часто бывает, счастье привалило неожиданно и с той стороны, откуда его никто не ждал.

В те времена дикие индейцы были не редкостью в Канзас-Сити. Они привозили в город пушнину, бобровый мех и шкуры бизонов, обменивая все это на оружие, ножи, кухонную утварь и всякого рода безделицы, вроде стеклянных бус и зеркалец.

Однажды в город приехала группа шайенов во главе с младшим вождем Серым Лосем. Кроме меновой торговли, у этого индейца было ещё одно дело. С собой

на Восток он взял свою больную дочь с целью показать её белым докторам. Ему предложили обратиться к Осборну. Хотя тот уже давно оросил заниматься медициной, но попавшим в беду людям он никогда не отказывал и помогал, как мог. Не отказал он и индейцу. Осмотрев необычную пациентку и убедившись, что она серьезно больна, Осборн оставил её у себя, пообещав вождю через три месяца поставить его дочь на ноги.

Уж не помню, какая у девушки была болезнь, а приехавшему через три месяца отцу веселая и вполне выздоровевшая дочь с радостью бросилась на шею. Только в кочевья шайенов Серый Лось вернулся без неё. Вышло так, что одинокий доктор влюбился в свою миловидную пациентку, а она – в него. И что оставалось Серому Лосю, как не дать согласие на брак дочери с белым знахарем, вырвавшим её из когтей смерти.

Так и зажила на ранчо Осборна Патриция Голубое Перо, полукровка из племени шайенов. Её мать была белой женщиной, Мартой Макинтайр, попавшей в плен к индейцам, ставшей женой Серого Лося и умершей вскоре после рождения дочери.

Двадцать лет назад у Патриции и Дэвида Осборнов родилась дочь, Лаура, а спустя два года появился сын, Энтони. Дети подросли, пошли в школу, обзавелись близким другом – Элизабет Карстерс. Навещая краснокожих родственников, Патриция часто брала с собой детей, которым очень нравилось бывать у индейцев. Да и то сказать, уж кому-кому, а детям всегда нравится там, где есть лошади, походная жизнь, рыбалка, охота и другие удовольствия. Энтони и Лаура стали прекрасными наездниками, стрелками из лука и охотниками. Казалось, счастье будет длиться вечно. Но четыре года назад произошла трагедия. Военный отряд кайова спалил отдаленное ранчо Осборнов дотла, а хозяина, его жену и сына индейцы безжалостно оскальпировали и убили.

Повезло лишь Лауре. Ей удалось избежать смерти только потому, что в тот год она гостила у шайенов.

С тех пор она живет с шайенами, но каждую весну она приезжает в Канзас-Сити, что бы отпраздновать день рождения своей лучшей подруги, Элизабет Карстерс.

Ну вот, пожалуй, и все, Джо.

Я поблагодарил Джеймса за подробный рассказ. Однако он удовлетворил мою просьбу насчет Лауры, а мне хотелось узнать о её воздыхателе.

– Крис, уж если ты мне рассказал о Лауре, то не откажи в удовольствии послушать кое-что о Стиве Блэкберне, который, говорят, по уши в неё влюблен. Кажется, в любовных делах я становлюсь ему на пути.

При упоминании этого имении Бриджер с Джеймсом заметно напряглись и, переглянувшись, воззрились на меня.

– Откуда, черт возьми, ты успел услышать о нем, парень? – удивился Бриджер.

Мне пришлось рассказать им о том, что произошло в «Желтом Орле» и о беседе с барменом.

– Ну, дорогой, не прошло и суток со времени твоего приезда, а ты уже останавливаешь на ходу экипажи и спасаешь от смерти таких головорезов, как Черный Тони Сайкз! – покачивая головой, проговорил Джеймс. – И, похоже, ты не будешь обделен приключениями и в дальнейшем, коль собираешься сблизиться с Лаурой. – Он помолчал некоторое время. – Ну что ж, слушай. Для начала скажу, что Стив Блэкберн доводится кузеном Элизабет Карстерс. Он родился в Небраске на ранчо южнее городка Фримонт. С отличием окончил школу, однако с юных лет был необычайно вспыльчивым, раздражительным и упрямым. Этих качеств было вполне достаточно, что бы ему насмерть разругаться с отцом (его мать умерла) и навсегда покинуть родной дом.

Какое-то время он пожил у своей родни, Карстерсов. Ему прочили блестящую карьеру, но дурные наклонности увели его в сторону от добропорядочной жизни. Года четыре назад, когда ему было двадцать лет, он связался с какой-то темной компанией, и пошло-поехало. Он зачастил со своими дружками в салуны, часто дрался и участвовал в револьверных дуэлях. Надо отдать должное, как ганфайтер Блэкберн очень силен. Молниеносно тянет револьвер из кобуры и метко стреляет с бедра. Поговаривали, что эта компания не гнушалась ни чем. Здесь были и воровство скота, и угон лошадей, и ограбления дилижансов. Однажды они попались, и Карстерсам (отец Блэкберна не пошевелил и пальцем), стоило больших трудов и денег, чтобы вызволить своего заблудшего родственника из тюрьмы.

После этого Блэкберн поутих. В знак благодарности он какое-то время вкалывал, как простой ковбой, на ранчо «Тройное к». Именно тогда и началось его ухаживание за Лаурой, ставшей к пятнадцати годам редкой красавицей.
Но и посейчас она не стала ему ближе, хотя он предпринимает для этого все усилия. В чем в чем, а в притязаниях на Лауру его упрямство прямо-таки ослиное.

Вскоре он оставляет дом Карстерсов и отправляется на север, в родные места. Говорили, что он поклялся любыми средствами сколотить себе состояние, чтобы богатым человеком предложить Лауре руку и сердце. Не заезжая к отцу, он набирает шайку из своих давнишних приятелей. Тони Сайкз, Билли Грэхэм, Уилл Стэнли были такими же отчаянными парнями, как и он сам. Под Фримонтом располагалась резервация индейцев пауни, подходившая вплотную к ранчо Блэкбернов, так из неё он и взял себе десяток телохранителей. Племя постоянно подвергалось нападениям индейцев сиу, часто голодало и те пауни, которым Блэкберн пообещал хорошую жизнь, с радостью покинули резервацию. Они-то, с детства дружившие со своим бледнолицым соседом-сорвиголовой, знали, что он их не оставит без куска хлеба. Неудивительно, что эти пауни готовы из-за хозяина полезть в огонь и в воду, перерезать глотку каждому, на кого тот укажет.

Ну, а чем он стал заниматься, наверное, объяснять не надо. Его увлекла старая дорожка, благо началась война на Востоке, и здесь, на Западе, ему мало кто мог помешать. Кроме всего прочего он, по слухам, стал ещё и команчеро. А уж большего греха, по моим понятиям, и выдумать не возможно… Команчеро – это закоренелые контрабандисты, торгующие оружием и огненной водой с индейцами южных прерий, похищающие детей из состоятельных семей. И горе тому отцу, кто не предоставит выкупа – похищенных безжалостно уничтожают, чтобы поддержать репутацию жестоких головорезов… Так-то. Это, конечно, слухи, но, как говорится, нет дыма без огня. Кстати, среди команчей и кайова он известен под кличкой Койот Кайова.

А что касается его отношений с Лаурой, то тут никаких перемен. После гибели семьи она стала жить с шайенами. Но когда приезжает на день рождения Элизабет, Блэкберн всегда навещает своих родственников. Прошлой весной он просил Лауру выйти за него замуж, но девушка отказала. А когда она с Чарли Бентом вернулась в прерии, туда приехал и Блэкберн (до резни на Сэнд-Крик ещё не дошло и шайены жили мирно). Краснокожему родственнику Лауры, знаменитому Вокуини – Римскому Носу, он приготовил массу подарков – оружие,

одеяла, кофе, сахар, несколько добрых скакунов, надеясь, что при виде всего этого Римский Нос уговорит двоюродную племянницу. Но она вновь отказала, и разобиженный Блэкберн накричал на неё в его присутствии. Этого, конечно, ему не стоило делать. Его просто вышвырнули из пределов кочевий шайенов со всеми приготовленными подарками.

Ныне он опять в Канзас-Сити, и что будет дальше, судить трудно… Так что, Джо, теперь ты знаешь, какому человеку переходишь дорогу.

– Осталось только увидеть его, – задумчиво проговорил Бриджер, набивая трубку табаком. – И завтра на балу у Карстерсов тебе представится такая возможность, Джо.

– Ты приглашен? – слетел удивленный вопрос с губ Джеймса. – Ах да, этот случай с экипажем. – Он тронул меня за руку. – Что ж, приятного веселья, Джо. Только постарайся не будить зверя в Блэкберне или уже завтра тебя могут вынести ногами вперед. У тебя будет время поближе познакомиться с Лаурой в землях шайенов, а не здесь, на глазах у Блэкберна.

– Спасибо за совет, Крис, – сказал я. – Это уж как получится. А от честной драки я не уклонюсь.

Охотник подвинул мне бокал с пивом и я, пригубив из него, задумался. До моего сознания не доходили ни звуки скрипки и пианино, ни низкий гул голосов переполненного зала. Я прокручивал в уме все услышанное от Джеймса и понимал одно: что бы ни случилось, я буду искать расположения Лауры уже на завтрашнем балу. Я видел, мы приглянулись друг другу. Так какого черта мне бояться Стива Блэкберна, которого и женихом назвать-то нельзя?! Судя по рассказам, бандюга он завзятый и грубости от него можно ждать в любую минуту. Но и я не лыком шит. В кулачном бою мне с детства не было равных среди сверстников, а уроки стрельбы на ранчо мистера Триппла я помнил на зубок… Хм-м, а его свора из бледнолицых головорезов и краснокожих убийц?.. Однако один из неё мне кое-что задолжал, и обещал помнить…

– А ну-ка погляди, кто там стоит! – прервал мои размышления охотник.

Он указывал на дверь, и я посмотрел в ту сторону. Если бы я не слышал разговоров Криса Джеймса, то наверняка бы сейчас вскочил и выкрикнул имя

своего однокашника по Уэбстеровскому колледжу. Но я скромно остался сидеть на месте, с интересом разглядывая вошедшего в салун Чарли Бента.

Он был высоким, стройным, плечистым. В его удлиненном мужественном лице с темными глазами, прямым носом и четко очерченной линией рта, можно было найти черты, присущие краснокожий расе, но они не только не портили его наружности, а, напротив, придавали ей известное своеобразие. На его мускулистом геле ладно сидела одежда из тонкой оленьей замши, расшитая ярким шайенским орнаментом.

Заметив Джеймса, который знаками приглашал его к нашему столу, метис улыбнулся, кивнул головой и уже через секунду тряс руку охотнику. Сначала Джеймс представил ему Бриджера.

– О, старый Одеяло! – воскликнул Бент, назвав Бриджера прозвищем, под которым он был известен всему Западу. – Много слышал о тебе. Рад познакомиться.

– А теперь, Чарли, обрати внимание на этого молодого человека. – Джеймс указал на меня пальцем. – Тебе, наверное, будет не все равно, если я скажу, что он дружил с твоим братом Джорджем в колледже, а?

– Да-да, – кивнул Чарли. – Мой брат часто вспоминает товарищей по колледжу. – Он протянул мне руку. – Будем знакомы, Чарльз Бент.

– Джозеф Кэтлин, – представился я и заметил, как равнодушное выражение лица метиса в раз переменилось. Он широко улыбнулся, обнажив ряд ровных белых зубов, выгодно оттеняемых темной полоской аккуратных усиков.

– Ну, как же, как же! Джозеф Кэтлин, тот самый друг Джорджа, с которым мы обменивались приветами, и который рвался побывать в кочевьях южных шайенов! – Он крепко пожал мою руку. – Ну, вот и увиделись, Джо. Очень рад встрече. Будет, что рассказать Джорджу.

– Как он поживает, Чарли?

– Собирается жениться на хорошенькой шайенке по имени Мэгпи, племяннице Черного Котла.

– О, я рад за него… Значит, не опоздаю на свадьбу?

Бент вскинул брови, прищурив свои темные глаза.

– Ты собираешься увидеться с ним?

– Мой отец скончался, Чарли. Я продал дом и прибыл в Канзас-Сити, чтобы отсюда двинуться к вашей ферме на Пургатори-Крик.

– Та-а-к, – протянул Бент, нахмурившись. – На ней ты никого не увидишь, кроме нашего отца.

– Что-то случилось?

– Эх, Джо, – вздохнул Чарли. – В прериях многое изменилось с тех пор, как вы с Джорджем окончили колледж. Очень многое. – Он взглянул на Бриджера, затем на Джеймса. – Извините, мне нужно переговорить с Кэтлином.

– Конечно же, Чарли, – отозвался охотник.

Мы присели за свободный столик, и Бент начал говорить:

– Ты, наверное, слышал, Джо, что стряслось на Сэнд-Крик. Этот ужас мне никогда не забыть. Джордж с сестрой тоже пережили его. Роберта с нами не было, но в тот проклятый день и он оказался там, на Сэнд-Крик. Старый бродяга Джим Бекуорт взялся провести войска до нашей стоянки, а когда в форте Лайон его скрутила болезнь, полковник Чивингтон, угрожая оружием, заставил Роберта встать на место проводника. Все мы оказались в этом аду.

Я не стану здесь рассказывать о том, что последовало. Тяжко вспоминать да, наверное, и не стоит. Об этом знает вся граница.

Бент помолчал, собираясь с мыслями.

– После резни на Сэнд-Крик мы с Джорджем поклялись мстить Длинным Ножам. В январе полтысячи южных шайенов под предводительством Черного Котла ушли за Арканзас. Остальные во главе с Римским Носом отправились на север, к кочевьям тетонов, северных арапахов и шайенов. – Он кивнул на Бриджера и Джеймса. – Они не знают ещё о клятве Бентов, ты же теперь понимаешь, что тебя ждет на Западе. Там идет настоящая война… Три года подряд я навещаю со своей троюродной сестрой Канзас-Сити, но, думаю, больше этих визитов не будет. Не хочу рисковать ни собой, ни Лаурой. Мы ещё не говорили ос этом, а она, кажется, все поняла. Чувствуя, что мы собираемся на Восток в последний раз, она взяла с собой в путешествие младшую сестру Римского Носа, Голубую Птицу, чтобы показать ей страну белых людей.

– Значит, боевые шайены оставили родные места, и ушли на север? – спросил я.

– Уже полгода, как мы кочуем между реками Танг и Паудер.

Я выслушал Бента внимательно. Действительно, получалось так, что я собрался на Запад в то время, когда после большой пролитой крови там вспыхнула война. А если Джордж покинул родную ферму и примкнул к боевым шайенам Римского Носа, то стоило ли мне вообще двигаться дальше предместий Канзас-Сити?

Это был серьезный вопрос, и многие осмотрительные люди, скорее всего, ответили бы на него отрицательно, но только не я. На этот вопрос у меня нашлись вполне резонные ответы. С младых ногтей меня всегда тянуло на Запад, и с этим я ничего не мог поделать. Второе, я долгое время ждал возможности увидеться со школьным другом, по рассказам и рисункам которого я составил себе картину индейской кочевой жизни. И, наконец, мне на пути встретилась прекрасная девушка, которая – какое невероятное совпадение! – сама кочевала с индейцами и доводилась родственницей Джорджу. Эти доводы казались мне слишком основательными, чтобы пересматривать свои планы.

– И все же, Чарли, несмотря ни на что я не передумаю и, с твоего разрешения, поеду вместе с вами, – взвесив все за и против, сказал я.

Бент добродушно покачал головой.

– Что ж, послезавтра будь готов к отъезду. Где мы, кстати, увидимся?

– На балу у Карстерсов.

– ?!

Мне снова пришлось рассказать о своем джентльменском поступке на Мэйн-Стрит удивленному Чарли Бенту. Тепло поблагодарив меня за то, что я сделал для его сестры, он с улыбкой заметил:

– На балу мы, конечно, не увидимся. Гризли и тот станцует лучше. Вот Лаура, та знакома с этим делом. В общем, найдешь меня в пристройке справа от главного входа.

Мы ещё долго оставались у Майкла Брэкетта, беседуя, поднимая рюмки за знакомство и отвлекаясь, иной раз, на то, чтобы понаблюдать за вспыхивающими время от времени пьяными потасовками, без которых в те дни не обходились вечерние салуны. Расставшись затем с Бентом и Джеймсом, мы с Бриджером отправились восвояси, запланировав на завтра поход на рыночную площадь.

Глава 3

Знаменитый рынок Канзас-Сити был бесперебойно работающим сердцем этого города. И в праздники, и в будни тут бурлила деятельная торговая жизнь. Покупатели валили валом, и редко кто уходил отсюда с пустыми руками. Ибо на рыночной площади можно было найти все, или почти все, что требовалось горожанам и людям пограничья.

Бриджер, ведя меня к рынку, был оптимистичен и не сомневался в удачном исходе задуманного предприятия.

– В тех землях, куда ты собрался, – говорил он, – нужна быстроногая лошадь с добрым, крепким седлом, и на этом рынке ты сегодня получишь и то, и другое.

Однако нам пришлось довольно долго толкаться среди толпы в поисках подходящего товара. Обыкновенные невзрачные лошадки попадались часто, и я

уже решил, что удачи не видать, когда Бриджер толкнул меня в бок и указал на вороного жеребца, стоящего между двух низкорослых каурых меринов.

– Каков красавчик, а? – цокая языком, важно произнес он.

Я помню, какое неизгладимое впечатлительное произвел на меня вороной с его красиво изогнутой, как у лебедя, шеей, длинными гривой и хвостом, и точеными стройными ногами. Он приглянулся мне с первого взгляда, этот черный величественный конь, ставший мне верным другом на многие и многие годы. Но его хозяин, рыжебородый погонщик мулов, заломил такую цену, что Бриджер присвистнул и повернулся, чтобы уйти.

– Рыжая Борода, – попенял он погонщику, – у тебя грабительская цена.

– Ну нет, приятель, – хрипло пробасил торговец. – Ты только разуй глаза и получше взгляни на этого конягу. Уж на что я не особо разбираюсь в лошадях, а его-то оценил сразу.

– Видно, как оценил, – недовольно буркнул Бриджер. – Побойся Бога!

Рыжебородый нахмурил белесые густые брови и протянул:

– Довольно, довольно. Коль не по карману товар, то и не о чем здесь толковать. Проваливай! Сгореть мне синим пламенем, если на этого коня не найдется покупатель.

Бриджер зашагал было прочь, но я удержал его за рукав.

– Триста пятьдесят, говоришь? – повернулся я к рыжему упрямцу.

– Ни центом меньше, мистер, – отозвался погонщик мулов, воткнув в рот длинную соломинку и приняв независимый вид.

– А если за триста?

В зеленых глазах торговца мелькнул интерес.

– Маловато. Триста сорок.

– Многовато. Триста десять.

– Триста тридцать, черт побери!

– Триста двадцать, и вот тебе деньги.

– Уговорил, – широкое лицо торговца расплылось в хитрой улыбке. – Триста двадцать пять, и забирай конягу.

От продажи дома у меня ещё оставалось триста восемьдесят долларов. Я подумал, что после этой наиважнейшей сделки в моем кармане хватит денег и на покупку костюма для бала, и на парикмахерскую.

– Идет, – согласился я и полез за долларами. – Уж больно понравился мне вороной красавец.

– Откуда у тебя он, Рыжая Борода? – спросил Бриджер, которому стало ясно, что я куплю вороного. – Сдается, он был собственностью или генерала, или известного конокрада.

Рыжебородый сначала уставился на траппера своими бледно-зелеными глазами, а потом шумно захохотал, похлопывая здоровенной пятерней по бедрам.

– Эй, Острый Кадык, – наконец выдавил он сквозь смех, тыча в Бриджера толстым пальцем. – Ты что, был в тот вечер в Омахе, когда я обчистил офицера в покер? Славная была игра. – Затряс он головой. – А майор оказался хвастливым и глупым. У него ничего не оставалось, кроме лошади и сбруи, и в последний партии он просадил и это. В пьяном виде даже пустил слезу по вороному. Но все было честно, он проиграл.

Бриджер отрицательно покачал головой, давая этим знать, что в тот знаменательный вечер ему не посчастливилось быть свидетелем его выигрыша.

– Стоящий конь, стоящий, – торговец похлопал по шее вороного и посмотрел на меня. – Ещё вспомните Рыжего Бена, мистер.

Я отсчитал положенные деньги и вручил их погонщику. Когда он внимательно пересчитывал сумму, я окинул пристальным взглядом свое приобретение. Без сомнения, это был благородный арабский скакун с небольшой, может, примесью крови дикого мустанга. Если предыдущие покупатели смотрели на этого коня и не купили его, значит, либо они были скупердяями, либо нищими, либо недальновидными глупцами.

Рыжий Бен ещё листал ассигнации, а я вдруг вспомнил о сбруе и мысленно отругал себя. Надо было и сбрую включить в эту сумму, когда он упомянул о ней. По горячим следам, как говорится. Ведь выиграл он в одной партии и лошадь и сбрую. Теперь поздно. Скажет, гони за сбрую деньги. А она, поди, такая же великолепная, как и сам вороной. Я хмуро смотрел на толстые неуклюжие пальцы погонщика мулов, шелестевшие деньгами, пока мне на ум не пришло одно забавное соображение.

В Сент-луисском колледже мне часто удавалось питаться бесплатно из-за одной небольшой, но безотказной ерунды. Я решил и сейчас прибегнуть к этому спору-ловушке.

Рыжий Бен прятал деньги в карман, а я сказал между прочим:

– Хоть ты и отрастил себе бороду, Бен, но, кажется, мы с тобой ровесники.

Погонщик, которому было никак не меньше сорока, презрительно хмыкнул:

– Гм-м, да ты мне годишься в сыновья.

– В сыновья, значит… И с какого же ты года?

– С двадцать пятого.

«Ага! – подумалось мне. – Попался, гусь».

– Нет, – уверенно отрезал я. – Не с двадцать пятого.

– Да ты что?.. Я тебе сразу сказал правду.

Я решительно протянул ему руку и отчеканил:

– Спорим, что ты не с двадцать пятого года?.. Но если ты окажешься прав, я заплачу тебе сто долларов.

На лбу погонщика аршинными буквами было написано: ох и идиот же этот парень.

– Конечно, спорим! – Он быстро сжал мою руку.

– Маленькое уточнение, – заметил я. – Дело в том, что в этом споре можешь проиграть и ты. А если это случится, то я бы хотел в качестве выигрыша получить сбрую от вороного… Годится?

– Годится! – гаркнул рыжебородый. – Разбивай, Острый Кадык.

Бриджер с недоумением посмотрел на меня и не сделал никакого движения. Но когда я незаметно подмигнул ему, он тут же разбил наши руки.

– Ну? – Нижняя челюсть погонщика выдвинулась вперед. – Из-за ста долларов я постараюсь, чтобы мне прислали метрику, и ты убедишься, что я с двадцать пятого года рождения.

Я приблизился к нему и, приставив палец к его Груди, внятно произнес:

– Это такие же карты, Бен. Проигравший, а это ты, платит. Ты с тысяча восемьсот двадцать пятого года. Понимаешь, с ты-ся-ча во-се-мъ-сот!.. Родившихся в двадцать пятом году вот уже почти две тысячи лет, как нет на этом свете.

Целую минуту погонщик молчал, обдумывая мои слова, затем глубоко вздохнул и пробасил:

– Да-а, поймал ты меня, что тут скажешь…

– Да уж нечего сказать – влип, – посочувствовал ему траппер, едва скрывая улыбку. – Это тебе не пьяный офицер из Омахи.

– Ладно, – решился погонщик. – Идемте. Сбруя лежит вон в том фургоне.

Он сунул мне в руку повод вороного, и мы все вместе зашагали к громадному фургону. Жеребец перебирал ногами, косясь в мою сторону огненным глазом. Я дружески похлопал его по шее и пошептал ему на ухо успокаивающие слова, которые всегда помогали, когда мне приходилось укрощать даже самых диких лошадей на ранчо мистера Триппла.

Подойдя к фургону, Рыжий Бен крикнул:

– А ну-ка, Джонни, достань из фургона сбрую от вороного.

Такой же огненно-рыжий, как его отец, пятнадцатилетний мальчик быстро извлек на свет все, что требовалось для полной экипировки вороного и, среди всего прочего, отличное седло Мак-Клеллан, которому в те дни не было равных. Я набросил на спину жеребца седло и взнуздал уздою.

– Отныне служить тебе новому хозяину, – глядя на вороного, сказал Бриджер. – Редкое животное! Таких не часто увидишь в прериях… Но все вещи имеют имена. Как же ты будешь величать его, Джо?

Я не долго думал, посматривая на благородную посадку головы коня, на его мощное упругое тело и высокие стройные ноги.

– Маркиз, – ответил я и, сделав легкий замах, оказался в седле. – Такое имя вполне подойдет лучшему скакуну по эту сторону Миссисипи.

Маркиз сначала заупрямился, но, почувствовав крепкую руку опытного наездника, вскоре утихомирился.

Мы покидали Рыночную площадь в прекрасном настроении. Маркиз стоил тех денег, что я выложил рыжебородому. И не надо было быть большим знатоком, чтобы наверняка знать, что он обставит многих ему подобных, если дело коснется скачек на быстроту и выносливость.

Потом на Мэйн-Стрит я посетил лучшую в городе парикмахерскую, где меня тщательно выбрили, и магазин, готового платья, приобретя в нем добротный

темный костюм. На моей высокой, ладной фигуре он смотрелся просто здорово. Для пущей важности я засунул в нагрудный кармашек шелковый белый платок, оставив на виду маленький уголок.

Все послеполуденное время мы провели с Бриджером в салуне Майкла Брэкетта, а где-то около шести вечера я откланялся, и на Маркизе выехал из города.

Как и говорила Элизабет, мне не составило большого труда добраться до «Тройного К». Менее чем через час я доехал до ранчо Карстерсов. По обе стороны подъездной аллеи высились высокие деревья, отбрасывавшие в этот час длинные тени. Я проехал по ней до коновязи, где стояло множество лошадей и экипажей.

Спрыгнув с Маркиза и привязав его, я осмотрел кирпичный дом, который строился, надо полагать, без всяких архитектурных наметок. Двухэтажный, обширный, он походил сразу и на мексиканскую гасиенду, и на гнездо южного плантатора, и на обычный дом богатого ранчеро. А прилепившиеся с боков низкие пристройки вносили во все это ещё большую неразбериху. Я задержал взгляд на правой пристройке, в которой жил Бент и, подумав, решил навестить его попозже, после того, как предстану перед хозяевами и немного обвыкнусь.

На пороге меня встретил слуга, чернобровый пожилой человек в ливрее, которая сидела на нем мешком.

– Назовитесь, мистер, – попросил он меня.

– Джозеф Кэтлин, – представился я.

– Одну минуту, мистер Кэтлин. Мне говорили о Вас.

Он скрылся в доме и спустя считанное время привел с собой 5лизабет, вышедшую на порог вместе с отцом.

– Добрый вечер, мистер Кэтлин, – поприветствовала она меня. – Вот, папа, тот юноша, который остановил экипаж.

Полуседой владелец ранчо крепко пожал мою руку и сказал:

– Мистер Кэтлин, очень Вам признателен. Если бы не Вы, могло бы случиться непоправимое. Я рад, что Вы откликнулись на приглашение Элизабет и приехали на бал. Надеюсь. Вам здесь понравится… Тревор, быстро организуй нам шампанского, – приказал он слуге.

Когда тот вынес на подносе шампанского и бокалы, Карстерс открыл бутылку и наполнил два бокала.

– За мою дочку, мистер Кэтлин, которой сегодня исполнилось двадцать!

Я поддержал тост и осушил бокал.

– Элизабет, – обратился Карстерс к дочери. – Займи гостя, а мне надо ещё многое сделать. Приятного вечера, мистер Кэтлин.

Он учтиво поклонился и зашел в дом, откуда слышалась громкая музыка.

– Пойдемте, мистер Кэтлин. – Элизабет взяла меня за руку и ввела в большую прихожую. – Вот тут, – она указала на прибитую к стене доску, где висели на гвоздях револьверные кобуры, – оставьте оружие. В этом доме ещё ни когда не было стрельбы и, надеюсь, не будет.

– Понимаю, – кивнул я и, отстегнув ремень с кобурой, повесил его на гвоздь. – Праздник не должен омрачаться.

– А теперь возьмите вот это. – Она протянула мне шелковую черную маску. – Это традиция и, кажется, не совсем плохая.

Я помял в руках маску и произнес:

– Когда я учился в колледже, там тоже были маскированные балы.

– Значит, умеете танцевать? Не ударите в грязь лицом?

– Ну, постараюсь.

– Вот и прекрасно… Кстати, в этом строгом черном костюме Вы выглядите превосходно.

Я поблагодарил Элизабет и собрался уже спросить про Лауру, когда кто-то позвал её в залу.

– Извините, мистер Кэтлин. Пройдите пока к буфету. Я сейчас…

Курносая виновница торжества упорхнула от меня. Я остался стоять в прихожей и, увидев зеркало, подошел к нему. В этот момент послышался снаружи стук копыт: очередные гости подъехали к коновязи.

– Добро пожаловать, мистер Блэкберн, – раздался громкий голос слуги чуть позже.

Мое сердце учащенно забилось в груди. Я повернул голову к входу и увидел вошедшего Стива Блэкберна.

Он был высокого роста, крепкого телосложения. Узкое загорелое лицо с цепким холодным взглядом бледно-голубых глаз, широким, крепко стиснутым, как захлопнувшийся капкан, ртом и агрессивно выдвинутым подбородком выдавало в нем человека сильного, смелого, опасного. Его глухой, с хрипотцой, голос, когда он бросил приветствие старому слуге, звучал уверенно, четко. При первом же взгляде на него я подумал, что именно таким его себе и представлял.

Я ничуть не удивился, увидев, как в прихожую вслед за Блэкберном вошел Тони Сайкз. Избавившись от оружия, они приняли из рук Тревора шелковые коричневые маски, и подошли к зеркалу. Я посторонился. Причесав длинные светлые волосы и поправив дорогой шерстяной костюм цвета слоновой кости, Блэкберн скрылся в бальной зале. Сайкз не обращал на меня внимания, охорашиваясь перед зеркалом.

– Добрый вечер, Тони, – сказал я.

– Вот так сюрприз! – узнав меня, с удивлением воскликнул Сайкз. – Как ты здесь оказался, Кэтлин?

Мне снова пришлось объясняться. Когда я закончил, Сайкз проговорил:

– Вот оно что. Понятно… Ну что ж, надо бы выпить за встречу. Пойдем-ка к буфету.

Мы вошли в бальную залу. Праздник был в самом разгаре. Ночь ещё не наступила, но повсюду горели свечи в красивых дорогих подсвечниках, развешанных по стенам. На невысоких подмостках музыканты исправно занимались своим делом: гремел один из вальсов Штрауса, заставляя гостей беззаботно танцевать и веселиться. Большинство девушек было в широких бальных платьях, белоснежных, голубых, розовых. Мужчины же в основном были облачены в строгие костюмы. Повсюду мелькали разноцветные маски, слышался громкий смех.

В дальнем углу залы стояла стойка с едой и напитками. Мы прошли к ней, и выпили по стопке виски с содовой.

– Ну что, герой, – сказал мне Сайкз. – Смело приглашай именинницу на танец. Ты это заслужил.

– Я бы предпочел танцевать с её подружкой, Лаурой, – возразил я и проследил за реакцией Сайкза.

Улыбка медленно сошла с его лица, кустистые черные брови нахмурились.

– Слушай. Кэтлин. Советую выбросить эту девушку из головы. Лаура – девушка Стива Блэкберна, моего друга, с которым я приехал.

– Если бы она была девушкой Блэкберна, его бы не попросили из кочевий шайенов прошлым летом, – в открытую сказал я.

– Я вижу, ты уже успел нахвататься слухов, Кэтлин, – холодно произнес Сайкз. – Как бы то ни было, оставь Лауру в покое. Видно, ты пропустил мимо ушей мой совет вести себя смирно в незнакомых местах, а зря.

Едва эти слова слетели с губ Сайкза, как к нему приблизилась знакомая девушка. Он отвлекся, разговаривая с ней, а затем повел её на очередной танец.

– Я помню твой совет. Тони, – тронул я Сайкза за плечо. – Но если мне нравятся девушки, я, обычно, добиваюсь от них взаимности.

Сайкз помолчал, качнул головой и сказал:

– Ты слишком самоуверенный парень, Джо. Претендующих на Лауру юнцов Стив Блэкберн обычно отправляет на тот свет. – Прежде чем закружиться с девушкой в вальсе, он улыбнулся и заверил: – Но я постараюсь, чтобы с тобой этого не случилось.

«Бывает, и отпетые бандиты помнят, что такое благодарность, – глядя ему в след, подумал я. – Но где же Лаура?..»

Стараясь не метать танцующим, я медленно прошелся по обширной зале. Почти все особы прекрасного пола были в масках, и мне оставалось приглядываться к сияющим от возбуждения глазам, стройным фигурам, прислушиваться к голосам, чтобы отыскать ту единственную, которая завладела моими помыслами. Однако поиски оказались безуспешными. Либо я просмотрел Лауру, либо её тут не было. Несколько озадаченный, я присел в одно из кресел, стоявших вдоль стен по всей окружности залы.

Музыка смолкла. Я продолжил искать глазами Лауру и не обратил внимания на разместившуюся рядом в креслах парочку. Дама о чем-то весело болтала, кавалер молчал. Но когда он подал хриплый голос, я повернул голову. Моим соседом был Блэкберн. Я посмотрел на маскированное лицо его спутницы, на её искрящиеся карие глаза, на темные пышные волосы и мое сердце упало.

«Господи, – подумалось мне. – Неужели это она!»

Я украдкой глядел на девушку и все больше убеждался в том, что зрение меня не обманывает. После же того, как Блэкберн назвал её по имени, все сомнения отпали.

– Лаура, мы ещё потанцуем? – спросил он, нежно теребя её пышные локоны.

– О, Стив, конечно! – И голос мне показался знакомым.

Заиграла музыка, и они отправились танцевать, смеясь и оживленно разговаривая.

Мое настроение напрочь испортилось. Испытав нечто, сродни горькому разочарованию, я какое-то время сидел с подавленным видом. Что же это такое? Как могло случиться, что Лаура стала так мила с Блэкберном? А рассказ Джеймса?.. Черт?

Я встал и, подойдя к буфетной стойке, опрокинул одну за другой две рюмки чистого виски, чтобы залить свою печаль.

– Мистер Кэтлин, – послышался позади приятный женский голос, – не слишком ли много виски за один раз?

Я обернулся и увидел перед собой Лауру и индейскую девочку. Я глядел то на Лауру, го на танцующую с Блэкберном даму. Хорош, наверное, я был с выпученными глазами, с идиотским выражением лица и отвисшей челюстью.

– О, Лаура! – наконец вырвалось у меня. – Боже мой, здравствуйте!.. Я так рад видеть Вас.

– Этого не скажешь по Вашему виду, – улыбнулась она.

– Да, конечно, – смутился я. – Понимаете, я видел… То есть, я думал, что Вы танцуете с Блэкберном.

– Ах, вот Вы о чем! – со смехом воскликнула она, взглянув на танцующую пару. – Стив вальсирует с Лаурой Дюпре, модной портнихой с Мэйн-Стрит. А что, Вы знаете его, знакомы с ним?

Мое подавленное настроение вмиг улетучилось, уступив место радостному возбуждению. Я смотрел на Лауру во все глаза, отметив про себя, что в пышном голубом платье она была просто обворожительна.

– Вы мне не ответили, – в её голосе звучала настойчивость.

– Впервые его вижу, – сказал я. – Но вчера довелось услышать о нём достаточно много. – Я сделал паузу, подбирая слова. – Понимаете, мне попался рассказчик, и он поведал мне не только о Стиве Блэкберне.

– А о ком же ещё?

– О Лауре Осборн.

Смуглые щеки девушки покрылись легким румянцем.

– О, Вы все знаете… Впрочем, здесь нет большого секрета. – Она коснулась моей руки и произнесла доверительным тоном: – Мистер Кэтлин, Чарли сообщил мне о Ваших намерениях. Знаете, путешествие будет вдвойне приятней и безопасней с таким храбрым молодым человеком, как Вы.

Мне оставалось только поблагодарить девушку за добрые слова, которые помогли обрести мне уверенность.

– А Лаура не будет против, если её пригласят на танец?

– Со своим спасителем я буду танцевать весь вечер напролет! – воскликнула она. одарив меня ослепительной белозубой улыбкой.

Я кинул взгляд на танцующую пару.

– Но это может не понравиться вашему… э-э… ухажеру.

– Стиву? – она слегка нахмурилась. – Надо сказать, мистер Кэтлин, что я свободна в своих поступках, нравится это ему или нет.

Лаура нежно погладила индейскую девочку по голове и представила её мне:

– Это Голубая Птица, сестренка Римского Носа.

Круглые темные глаза индеанки с доверчивостью глядели на меня. Ей было не больше пятнадцати лет, юной дочери прерий.

– О, Римский Нос! – с важностью произнес я, зажав маленькую ладошку девочки в своей руке. – Твой брат – великий вождь.

Лаура перевела мои слова, но индеанка энергично закачала головой, говоря что-то на языке шайенов.

– Ах, мистер Кэтлин, – улыбнулась Лаура. – Вы ошибаетесь, старший брат Голубой Птицы совсем не великий вождь. Голубая Птица говорит, что по званию он просто лидер военного общества Кривые Копья, но что по храбрости, мудрости и великодушию ему нет равных среди шайенов.

– А разве эти качества не ставят его на одну ступеньку с великими вождями шайенов?

Лаура перевела, и темные раскосые глаза девочки сверкнули гордостью за своего знаменитого брата. Она больше меня не переубеждала.

Разговаривая с девушками, я иногда посматривал на Блэкберна и заметил, что все его внимание было обращено к нам. Я не удивился, когда он под каким-то предлогом раскланялся со своей партнершей и прямиком направился к буфетной стойке. Взяв бокал с шампанским, он предстал перед Лаурой, даже не удостоив меня взглядом.

– Лаура, я ослеплен твоей красотой и поэтому не могу не помешать вашей беседе, – развязным тоном произнес он. – Я думаю, ты не откажешь мне в следующем танце,

– Добрый вечер, Стив, – спокойно девушка. – Но следующий танец я танцую вот с этим молодым человеком.

Она взяла меня под руку. Холодные бледно-голубые глаза Блэкберна смотрели на меня в упор с нескрываемой враждебностью. Я выдержал этот ледяной взгляд, но почувствовал, как по спине скользнул неконтролируемый поток мурашек.

– Ну, тогда я рассчитываю на другой танец, – с наигранной любезностью произнес он, пригубив из бокала.

– И второй танец обещан мной этому молодому человеку, – также спокойно ответила Лаура. – Кстати, вы должны познакомиться, Стив. Мистер Кэтлин вчера выручил нас с Элизабет из настоящей беды, если, конечно, это для тебя интересно.

Блэкберну было на это наплевать. После второго отказа он стал дышать через нос. Его тонкие губы вытянулись в узкую напряженную линию, под скулами заходили желваки. Не моргая, он буравил меня злыми глазами.

– Слушай, ты – процедил он сквозь зубы, – мистер Кэтлин. Я не знаю, и знать не хочу, кто ты такой. Но для твоего же блага советую держаться от Лауры подальше. Она моя девушка.

Обыкновенно, подобное обращение зажигало огонь в моей крови. Случилось это и сейчас помимо моей воли.

– Блэкберн, ты очень грубый парень. Мы с тобой не обмолвились и словом, а ты уже сыплешь угрозами. Лаура – свободная девушка, и если она предпочитает танцевать со мной, это её дело.

– Ну, что ж, я тебя предупредил, – глухо сказал он мне и обратился к девушке: – А ты, Лаура, не заставляй меня сердиться. Это может плохо кончиться, и вечер будет испорчен.

– Он уже испорчен! – вспылила она. – С твоей легкой руки… Боже, как мне все это надоело!

– Что именно?

– Твои бесконечные приставания!.. Неужели тебе не ясно? Давай определимся раз и навсегда! Уверяю, Стив, ты мне безразличен и я никогда, слышишь, никогда не соглашусь выйти за тебя замуж!

Это был полный афронт, но на лице Блэкберна даже появилось что-то наподобие снисходительной улыбки.

– Успокойся, дорогая. Клянусь, ты будешь моей, и раньше, чем ты думаешь!

– Никогда! – Лицо девушки пылало, её полные алые губы тряслись, как в лихорадке. – Никогда, подонок! Будь ты проклят!

Танец окончился, и громкие слова Лауры прозвенели на весь обширный зал. Взоры всех устремились на нас.

Блэкберн уже не улыбался. Он чуть подался вперед, зажатый в руке бокал треснул, заливая блестящий паркет шампанским вперемешку с кровью. Окровавленной рукой он схватил девушку за плечо и грубо встряхнул.

– Ты перешла все границы! – прохрипел он. – Оскорблений я не потерплю даже от тебя. – Блэкберн занес свободную руку, намереваясь дать Лауре пощечину, но я оказался быстрее, резко оттолкнув его в сторону.

– Не смей к ней прикасаться! – отчетливо проговорил я, сжимая кулаки.

Я прекрасно знал, против кого иду, представлял последствия своего шага и, тем не менее, поступил так, как поступил. Что мной двигало? Желание бросить вызов авторитетному бандиту? Может быть. Защита безобидной девушки от посягательства грубияна? Ближе к истине. Все это имело место. Но главная причина крылась в том, что я видел в Блэкберне соперника, стоявшего между мной и Лаурой. Вероятно, это звучит эгоистично, зато по-мужски откровенно.

Я предвидел незамедлительно последовавшую реакцию Блэкберна и сумел увернуться, когда он попытался нанести мне прямой удар в голову. Выпрямившись и откинув корпус назад, я провел безупречный по исполнению хук правой в челюсть, опрокинувший Блэкберна навзничь. Однако тот моментально оказался на ногах, и я понял, что в его лице нашел для себя опасного противника.

Два его тяжелых удара, угодивших прямо в цель, основательно потрясли меня, и будь на моем месте кто-нибудь послабей, его уже начали бы откачивать. Окаймлявшая нас толпа шарахнулась по сторонам, когда я, в попытке восстановиться, задвигался по зале, уклоняясь от натиска Блэкберна. Мгновение спустя мой правый кулак пробил его защиту и вонзился в губы, превратив их кровавую массу. Прежде чем он смог опомниться, я попал ему прямо под ложечку. Он резко согнулся, но я коротким ударом левой снизу выпрямил его.

Голова Блэкберна откинулась, и тут мой правый кулак обрушился на его поднятую челюсть. Такие удары могут свалить и лошадь, а Стив был всего лишь человек. Вскинув руками, он без чувств снопом повалился на паркет бальной залы.

Я стоял над ним, тяжело дыша. Мое сердце колотилось так, что частые удары, наверное, были слышны в нескольких ядрах от меня.

– Проклятье! – услышал я Сайкза. – Что здесь стряслось?

Во время драки его, видимо, не было в зале, и он спешил разузнать, в чем дело.

– Тони, это была честная схватка, – крикнули из толпы, когда Сайкз склонился над своим боссом.

Он медленно поднял голову и, запустив пятерню в бороду, долго смотрел на меня. И я бы не сказал, что с ненавистью или хотя бы с вызовом в глазах.

– Ну, Кэтлин, – протянул он, наконец. – Ты удивляешь меня с каждым разом все больше.

– Отойдем в сторонку, Тони, – сказал я.

Он снова осмотрел Блэкберна и, вставая, гаркнул:

– Да сделайте что-нибудь с ним, черт побери!

– Ну? – буркнул он после того, как мы уединились.

– Стив пытался ударить Лауру, – объяснил я. – Мне пришлось вступиться.

Признаться, у меня внутри была дрожь насчет того, что Сайкз возьмет да и поколотит своего вчерашнего избавителя. Все-таки, на полу лежал Стив Блэкберн, а не какой-нибудь пьянчуга из салуна. Но вместо этого он широко улыбнулся и хлопнул меня по плечу.

– Ах ты, чертов молокосос!.. Побить Стива!.. Да я этого отродясь не видывал.

Мои губы тоже расплылись в улыбке, однако лишь на мгновение.

– Ты не улыбайся, парень – посерьезнел Сайкз. – Теперь тебе действительно крышка. И здесь я ни чем помочь не могу. Если тебя не прикончит Блэкберн, пришьют его ребята. Не они, так твой скальп повиснет на поясе у одного из наших пауни. Мой тебе последний совет: вали из Канзас-Сити и чем быстрее, тем лучше. Можешь прямо сейчас.

– На сей раз, Тони, твой совет совпадает с моими намерениями. Завтра меня здесь уже не будет.

– Вот и отлично. Куда отправишься, если не секрет?

– На Запад, вместе с Лаурой и Чарли Бентом.

Перемена в лице Сайкза произошла мгновенно, как у человека, которому сообщили неожиданную и малоприятную новость.

– Не делай этого, Кэтлин, – с расстановкой сказал он. – То есть, делай, что хочешь, проваливай отсюда ко всем чертям, только не составляй компании Лауре и Бенту.

– Почему, Тони? – озабоченно спросил я. Сайкз было открыл рот, но промолчал.

– Прошу, объясни мне, – настаивал я, начиная подозревать, что Лауру на обратном пути, а значит и меня, ждут неприятности. – Что, Блэкберн задумал похитить девушку?.. Это так?.. Ну, хорошо. Можешь молчать. Я, кажется, знаю, что он готовит.

– Да, да, – сквозь зубы прошипел Сайкз. – Назавтра Стив организовал похищение.

– Спасибо, Тони, – с благодарностью произнес я. – Теперь оно не состоится.

– Не состоится, если вы уберетесь отсюда сегодняшней ночью и сделаете большой крюк к северу или югу так, чтобы ваш след не попался на глаза нашим

ищейкам пауни.

Некоторое время мы молча стояли друг против друга. Я первым нарушил молчание, положив руку на плечо Черному Тони.

– Извини, что все так получилось. Я знаю, тебе нелегко было говорить это. Дружба с боссом, его замыслы, и все такое прочее…

Сайкз сбил мою руку и, прежде чем отойти от меня, заметил:

– Вообще-то, я против того, чтобы женщин брали силой. – На его губах мелькнула улыбка, и он добавил: – Иногда.

Глава 4

Блэкберн еще не очухался от моего нокаутирующего удара, когда я покинул бальную залу в сопровождении Лауры и Голубой Птицы. Зайдя к Чарли Бенту в пристройку, я быстро объяснил ситуацию.

– Негодяй! – вспыхнула девушка, покачивая головой. – О, какой же он мерзавец!

– Таким Блэкберн был всегда, – заметил Бент. – Он мне не понравился с первого взгляда.

– Наши мнения о нем совпадают, Чарли, – сказал я. – Но довольно об этом. Я предлагаю следующее: Вам нужно распрощаться с гостеприимными хозяевами ранчо и сегодня же ночью уехать отсюда. Завтра будет поздно.

– У Элизабет возникнут вопросы, – произнес Чарли, наморщив лоб. – Такой неожиданный отъезд…

Лаура тут же его перебила:

– Элизабет должна знать все. Она также недолюбливает Стива и только пожелает нам счастливого и безопасного пути.

– Поступайте, как считаете нужным, Лаура, – сказал я. – Но ни слова о Тони Сайкзе. Этот человек оказал нам всем огромную услугу.

– Конечно же, мистер Кэтлин, – заверила она. – Я найду, что сказать своей подруге.

Чарли с Лаурой немедленно взялись за сборы, а я поскакал в город, чтобы захватить вещи и попрощаться с Джимми Бриджером. Уже к полуночи мы были далеко от «Тройного К», углубившись в прерию в северном направлении.

Вот так и получилось, что Черный Тони Сайкз помог нам избежать острых когтей Койота Кайова, не взирая на свою с ним дружбу и партнерство. Он сделал так и, забегая вперед, с удовольствием скажу, что это была не единственная услуга, оказанная им Джозефу Армстронгу Кэтлину. Ведь кто мог знать тогда о будущих временах, когда цепкая хватка Койота Кайова, его необыкновенные целеустремленность, упрямство и живучесть ещё не раз ввергнут нас с Лаурой в пучину тяжких испытаний.

Мы ехали на север, держась левого, восточного берега Миссури и у Небраска-Сити переправились через нее на пароме. Отсюда наш путь лежал до Форта Кирни, где мы передохнули и, воспользовавшись представившейся возможностью, примкнули к отправлявшемуся на запад грузовому каравану «Оверлэнд-Стэйдж-Компани». Это было весьма кстати. Караван снабдили хорошей охраной, и мы могли чувствовать себя в относительной безопасности в том случае, если бы банда Блэкберна все же напала на наш след. Между нами и начальником каравана даже было заключено что-то вроде соглашения. Нам грозило преследование шайки Стива Блэкберна, и начальник пообещал отбить у той охоту соваться под дула карабинов охраны «Оверлэнд-Стэйдж-Компани», Чарли Бент же со своей стороны брался уладить все недоразумения с военными отрядами тетонов, шайенов и арапахов, если они возникнут на пути. А на слово начальника каравана можно было положиться смело, ибо им значился Джек Блэйд, знаменитый возница этой легендарной компании, и первый в истории Запада стрелок, на счету которого числилось не менее двадцати пяти покойников. Эра Дикого Билла Хикока еще не наступила, и имя Джека Блэйда гремело от берегов Миссури до отрогов Скалистых гор. Особо запомнились мне его крепко сбитая жилистая фигура и узкое загорелое лицо с тяжелым

оценивающим всех и вся взором пары глубоко посаженых глаз. И еще одна интересная деталь: его правая рука постоянно поглаживала отполированную рукоятку армейского кольта, привычка, которая отменно характеризовала этого непростого человека и ганфайтера.

Во время нашего совместного путешествия он был почти всегда угрюмым и молчаливым. Но в те моменты, когда на него находила охота поговорить, он превращался в редкого рассказчика, тем более интересного, что знал он вдвое больше любого другого о начале движения почтовых карет и дилижансов по тракту от Атчисона до Денвера.

– Было время, – говорил Блэйд, устремив взгляд в пространство, – когда в прериях между этими двумя городами сновали только бизоньи стада да индейские племена. Можно было встретить только следы копыт и мокасинов. и никогда, хоть что-нибудь отдаленно напоминающее колесную колею… Первую дюжину фургонов провел по этому пути Билл Саблетт в 1830 году, направляясь на рандеву трапперов Пушной Компании Скалистых гор. Но уж если точнее, то первые два колеса, оставившие след на берегах Платта, принадлежали небольшой пушке, которую провез с собой тот же Саблет в 1827 году.

– А потом? – спросил я, жадно внимая рассказчику. – Потом… Потом летом 1832 года капитан Бен Бунвиль повторил его путь с небольшим караваном фургонов… Они были пионерами. Им принадлежит честь открытия тракта по Платту. Они проложили дорогу, по которой в 40 – ые и 50 – ые прошли сотни караванов переселенцев из Сент-Джозефа, Индепеденса и Атчисона.

– А дилижансы?..

– Раньше дилижансов заколесили грузовые фургоны Уильяма Рассела… А первый дилижанс Бена Холледэя отправился в путь в 1859. – Блэйд выпрямил грудь, его глаза сверкнули гордостью, когда он вытянул две пятерни и потряс ими. – Вот эти руки держали поводья той первой шестерки каурых скакунов! А каким был красавцем сам дилижанс фирмы «Эббот и Даунинг-Конкорд»! Красная краска на нем горела пожаром, золотистый орнамент и надпись сияли драгоценным металлом!.. Во век мне не забыть того момента, когда я поднял бич и щелкнул им в воздухе перед собравшейся толпой!.. Истинно во век. Потом, конечно, все это стало обычной работой, но все же работой, от которой получаешь только радость. Я сотни раз гонял дилижансы по тракту, и это мне не надоедало. Каждая миля пути, каждый ручей, каждая роща мне знакомы, как знакомы

матери милые черты любимого первенца. Подними меня глубокой ночью и спроси: сколько миль от Форта Кирни да Платт-Стэйшен, первой станции для трехминутной замены лошадей? И я отвечу: десять! А что такое, спросите вы, Форт Кирни для меня и я отвечу: двадцатиминутная остановка для приема пищи! А сколько станций от Атчисона до Денвера, поинтересуетесь вы, и я скажу, что их ровно пятьдесят, и ни одной больше… Эти 653 мили, разделяющие Денвер и Атчисон, я знаю, как свои пять пальцев.

Видно было, что Джек Блэйд гордится своей работой на «Оверлэнд-Стейдж-Компани» как, наверное, гордился ею любой возница дилижансов. Дань уважения всей нации снискали эти неутомимые, опытнейшие люди, на свой страх и риск пересекавшие прерии, чтобы доставить почту и пассажиров в отдаленнейшие места. Они заслужили это. Я много раз видел, как проносившийся мимо дилижанс сопровождался громким щелканьем бичей погонщиков нашего грузового каравана. Это было приветствие, это был салют быстроходным кораблям прерий, покрывавшим за час более пятнадцати миль. Через считанное время лишь далекое облачко пыли напоминало нам о пронесшемся дилижансе.

– Наверное, вы не раз спасались от погони индейцев? – поинтересовался я у Блэйда.

– Случалось и такое. Но индейцы прекращали погоню прежде, чем мой дилижанс добирался до очередной станции. Пони краснокожих не могли соперничать с нашими быстрыми скакунами. На западе нет лучше лошадей компании Бена Холледея.

Так и длилось наше неторопливое путешествие по южному берегу Платт-Ривер. Солнце палило нещадно, не было никакого намека на перемену в погоде. Взбитая копытами лошадей и колесами фургонов серая пыль, густым облаком поднималась над парусиновыми верхами и долгое время неподвижно висела в воздухе, чтобы затем медленно улечься на землю. В защиту от нее нас снабдили шейными платками – совершенно необходимой вещью для путешествующих в составе грузовых или переселенческих караванов. Голубая лента реки, окаймленная небольшими рощицами тополя и ивняка, тянулась в западном направлении, насколько хватало зрения.

Чем дальше мы продвигались вглубь Великих Равнин, тем больше я поражался необъятным просторам прерий, которые, кажется, не имели конца и края.

Куда бы я ни бросал взор, везде волнилась и уносилась прочь до самой линии горизонта Великая Пустыня. Это название закрепилось за западными прериями со времен известного путешествия Льюиса и Кларка. Но разве может называться пустыней земля, где растут густая высокая трава и бесчисленные цветы? Думается, иногда первооткрыватели бывают не совсем точными в выборе подходящих названий.

На одних станциях мы подкреплялись пищей, на других станциях останавливались на ночлег. Позади остались Мидуэй и Коттонвуд-Спрингс, Элкхорн и Санд-Хилл, укрепленные наподобие маленьких фортов, всегда готовые отразить внезапный индейский налет. Ручаюсь, служащие этих станций не забыли, что произошло с Джулесбургом 7 января 1865 года, когда тысяча воинов брюле, оглала, северных и южных шайенов превратили этот городок в пожарище в отместку за резню на Сэнд-Крик. В тот день индейцы под предводительством вождя брюле Крапчатого Хвоста действовали хитро и умело. Выманив из Форта Седжуик, стоявшего в устье Лодж-Пол-Крика невдалеке от Джулесбурга, полроты айовского полка Капитана О'Брайена, они произвели массированную атаку, и около двадцати солдат уничтожили. Остальные спаслись за частоколом форта буквально чудом.

– В то январское утро к станции подкатил на своей шестерке Литтл-Тоу, мой товарищ, гнавший дилижанс до Денвера, – поделился подробностями инцидента Блэйд при подъезде к Джулесбургу. – Краснокожие оставили в покое уцелевших солдат и бросились в погоню за ним. Литтл-Тоу успел доехать со своим единственным пассажиром, армейским казначеем, до форта в тот момент, когда туда вбегали насмерть перепуганные служащие станции.

Индейцы нагнали такого страху, говорил мне Литтл-Тоу, что им уже никто не мог помешать грабить станцию. Солдаты О'Брайена стрельнули пару раз из пушки, но, боясь сравнять поселок с землей, оставили это дело и целый день лишь глазели на то, как краснокожие очищали складские помещения.

В дилижансе они нашли сейф, в котором казначей вез деньги на оплату айовской роте. Индейцы вскрыли его и, не зная, что собой представляют зеленые бумажки бледнолицых, разбросали их по всей округе. В конце концов, вволю пограбив станцию, они спалили ее дотла.

Джек Блэйд бросил многозначительный взгляд на Чарли Бента и проговорил, по-техасски растягивая слова:

– Ходили слухи, что вместе с южными шайенами был кто-то из сыновей Бента… Или это не так, Чарли?

Метис ответил уклончиво, и Блэйд, закрывая тему, хлопнул его по плечу:

– Забудем об этом, Чарли. Ведь я знаю, как несправедливо обошлись с вашим семейством солдаты Чивингтона. И если говорить откровенно, я бы никогда не захотел побывать в твоей шкуре. В твоих жилах течет не только кровь белых людей и, надо думать, это делает жизнь полукровки непростой.

Впоследствии Чарли признался, что он принимал участие в нападении на Джулесбург. Но кто мог бросить в него камень, если его индейская кровь взывала о мщении? Кто мог обвинить его за то, что он отплатил Длинным Ножам за поголовное истребление женщин и детей шайенов на Сэнд-Крик, откуда сам едва унес ноги?

У него были основания мстить солдатам, облаченным в синюю униформу американской кавалерии.

Разоренный Джулесбург давно остался позади так же, как Антилоп-Стэйшен, Спринг-Хилл и Денисон, когда над караваном нависла угроза индейского нападения. Краснокожие появились внезапно. На высившемся к северу от тракта невысоком меловом хребте они выросли, словно из-под земли. Их конные силуэты неподвижно застыли на бровке возвышенности.

Дувший с той стороны ветер донес до меня одинокое орлиное перо, выпавшее из индейского головного убора. Я показал его Бенту. Тот, едва взглянув на вырезы и раскраску пера, тут же выдал:

– Военный отряд тетонов.

– Оглала?.. Брюле?.. Сансарки? – Блэйд озабоченно смотрел на Чарли.

– Кажется, миннеконджу.

– А, в общем, какая разница, – махнул рукой стрелок и крикнул зычным голосом на весь караван:

– Ставить фургоны в круг. Живо!

– Минутку, Блэйд, – остановил его Бент. – По-моему, это военный отряд Прикоснись-К-Тучам, сына верховного вождя миннеконджу Одинокого Рога. Мы с ним давно знаем друг друга. Нас познакомил мой отец.

– Попробуешь договориться?

– Из этого вряд ли что получится, если я поеду к ним с пустыми руками.

– Им нужны подарки?

– Это грузовой караван, Блэйд, набитый товарами. И миннеконджу об этом знают. Дай им отступного. Мои уговоры и подарки сделают свое дело, иначе будет атака.

– Наплевать! – гаркнул Блэйд. – пусть атакуют. Вместо подарков они получат горячего свинца.

Бент посмотрел на гребень и покачал головой.

– Это не разумно. Их около двух сотен. Они пробьют вашу оборону.

Рука Блэйда нервно подергивалась на рукоятке армейского кольта. Он громко дышал, косясь в сторону индейцев. Затем взглянул на Бента и зло проговорил:

– Ты же обещал все уладить. Помнишь, в Форте Кирни?

– Я думал, что тебе будет не жалко расстаться с несколькими одеялами, двумя мешками сахара и кофе в случае необходимости.

– Сделайте так, как говорит Чарли, мистер Блэйд, – вставила Лаура. – Я знаю индейцев. Потеряв малое, Вы сохраните все.

В караване началось движение. Погонщики защелкали бичами, повинуясь приказу начальника. Дело шло к тому, что из-за упрямства и несговорчивости

Блэйда могло случиться непоправимое.

– Ладно, – наконец сдался он. – Я согласен. Может, мисс Лаура и права. – Он сверкнул глазами и ударил кулаком по бедру. – Но, черт побери, Блэйд еще никогда не уклонялся от боя!

По его приказу погонщики остановили волов. Погрузив на свою лошадь несколько мешков с одеялами и продовольствием, Чарли Бент, ведя ее под уздцы, пешком пошел к горному хребту. У его подножия он что-то крикнул на языке лакота, приветственно взмахнув рукой. Один из миннеконджу сделал то же самое и спустился на лошади к Бенту. Разговор между ними длился несколько минут и закончился, скорее всего, положительно, потому что вниз спустилось еще трое воинов, чтобы забрать предлагаемые дары. Прыгнув в седло, Бент подъехал к каравану.

– Прикоснись-К-Тучам принял подарки, – с удовлетворением проинформировал он. – И обещал не чинить препятствий.

– Ну что ж, в дорогу! – произнес Блэйд, поднимая руку.

– Без нас четверых, Джок, – уточнил Чарли.

Глаза округлились не только у начальника каравана. И я воззрился на Бента с недоумением. Мы договаривались сопровождать грузовой караван до Латама, а оттуда самостоятельно проехать на север вдоль Передового Хребта до верхнего течения Северного Платта.

– Не нужно смотреть на меня так, Джо, – с усмешкой сказал Бент. – Прикоснись-К-Тучам возвращается на Паудер со своими воинами и зовет нас с собой.

Глава 5

Попрощавшись с нами, Джок Блэйд повел караван дальше по тракту. Мы же присоединились к военному отряду миннеконджу и, как нам казалось, поступили правильно. Путешествуя с индейцами, мы вдвое сокращали путь до лагеря

шайенов и начисто лишались угрозы со стороны Стива Блэкберна. С двумя сотнями закаленных тетонских воинов можно было без опаски двигаться вперед, а, находясь в составе каравана Блэйда, нам приходилось быть настороже. Блэкберн еще мог осмелиться бросить вызов охране каравана, но он не был настолько безрассудным, чтобы последовать вглубь индейской территории за военным отрядом миннеконджу.

– Прикоснись-к-Тучам – друг и кузен Ташунки Витко, Бешеного Коня, молодого военного вождя оглала, – сообщил мне Бент, пока мы поднимались на гребень. – А тот в самых приятельских отношениях с Римским Носом. Когда я упомянул о том, что с нами младшая сестра Вокуини, Прикоснись-К-Тучам сказал, что ей будет безопасней путешествовать с тетонами до стоянки Римского Носа у истоков Шайен-Ривер.

Если я думал, что миннеконджу нас примут с распростертыми объятиями, то совершенно напрасно. Наше прибытие, по сути дела, проигнорировали, а сам вождь, семифутовый гигант с крупным лицом, лишь сдержанно пожал мне руку, погладил голову Голубой Птице и слегка улыбнулся Лауре. Уже через минуту военный отряд миннеконджу тронулся с места на северо-запад, увлекая нас в своей массе.

– По-моему, апач – и тот проявит больше гостеприимства, – сухо заметил я Бенту.

– Хм-м, – ухмыльнулся тот громко. – Привыкай, Джо. У индейцев свои правила поведения. Поверь, краснокожий презирает любое проявление эмоций… – Он снова ухмыльнулся. – Отчего ж тогда миннеконджу радоваться при виде двух женщин и метиса из племени южных шайенов, своих младших союзников, и незнакомого бледнолицего?..

– Но это трудно принять.

– Не переживай, Джо, – успокоил меня Чарли. – На биваке ты увидишь совсем других индейцев.

– Каких? – не понял я. – Сансарков или оглала?

– Ты увидишь этих же миннеконджу, но они тебе понравятся больше.

– А-а, ну, это другое дело.

По пути я с интересом разглядывал меднокожих мускулистых воинов, покинувших свои селения в поисках скальпов и славы. И это понятно. Мне еще не доводилось встречаться с дикими индейцами. В Сент-Луисе я видел краснокожих, но это были представители восточных мирных племен саук, фокс и кикапу, в подавляющем большинстве своем принявших образ жизни и привычки бледнолицых, вызывавших, по меньшей мере, жалость. Здесь же ехали властелины прерий, гордые, уверенные в себе мужчины. Многие из них были обнажены до набедренных повязок и расписаны яркой боевой раскраской. Их темные волосы были расчесаны на пробор и заплетены в толстые косы, обернутые по всей длине полосками меха. У каждого за спиной висели колчан из шкурки выдры и зачехленный боевой лук из орехового или апельсинового дерева. За широкими поясами были заткнуты острые томагавки и ножи. С лук седел свисали небольшие круглые щиты, изготовленные из выделанной бизоньей шкуры и кожаные парфлеши с пеммиканом и боевыми одеждами. Кое у кого виднелись карабины и ружья и повсюду – длинные копья, к которым крепились скальпы убитых. У многих в руках были зажаты украшенные разноцветными перьями трости, которыми в бою прикасались к врагу – отличительный знак храбрейших воинов.

Без преувеличения, дух захватывало от дикого красочного движения военного отряда миннеконджу, скакавшего по необозримым просторам прерий.

К вечеру, на поросшем тополем северном берегу Лоджпол-Крик отряд остановился на ночлег. Напоив лошадей и пустив их пастись, индейцы зажгли костры для приготовления пищи – по пути было застрелено несколько крупных бизонов.

Прикоснись-К-Тучам, выставив стражу вокруг табуна и лагеря, пригласил нас к своему костру, у которого сидело семеро индейцев, по виду опытных вождей.

– Если бы тетоны не возвращались домой, – сказала Лаура, – мне и Голубой Птице было бы отказано в приглашении.

– Что так? – спросил я.

– Присутствие женщин считается плохим предзнаменованием на Тропе Войны у тетонов.

«Да, – подумалось мне. – Не очень-то любезно по отношению к слабому полу».

Как и предсказал Чарли, я увидел совсем других индейцев на отдыхе. Те семеро вождей, таких грозных и неприступных во время дневной скачки, теперь весело болтали, смеялись удачным шуткам, перемежая все это курением трубок и прихлебыванием кофе. От их радушного угощения, я едва дышал с переполненным животом. Мне они подмигивали, стучали по плечу, с Чарли, Лаурой и Голубой Птицей беседовали на наречии лакота.

– Ну что, – обратился ко мне Бент. – Как они тебе сейчас?

– Ты знаешь, вполне добродушные люди, эти миннеконджу.

– Не только миннеконджу. Среди семерых вождей двое – брюле. Эхака Нажин, Стоящий Лось и Ванбли Танка, Высокий Орел. Они со своими воинами откликнулись на призыв Прикоснись-К-Тучам пойти в поход против пауни.

– И сколько же у них воинов? – поинтересовался я.

– Десять человек со Стоящим Лосем и двенадцать с Высоким Орлом.

– А почему их так мало? Просто ничего по сравнению с миннеконджу.

– Идея похода возникла в голове Прикоснись-К-Тучам, вот в чем дело. Джо, – ответил Чарли и, помолчав, продолжил: – Попробую объяснить подробнее… Вождь миннеконджу решает выйти на Тропу Войны против одного из племен пауни, скиди. Сначала он посылает трубку каждому военному обществу своей личной кочевой общины. Не все общества, к слову сказать, поддерживают идеи своего вождя. Тут у индейцев полнейшая свобода выбора… Ну, скажем, общества Храбрых Сердец, Владельцев Вороны и Лисят приняли трубку и столько-то членов выкурили ее. Общества же Барсука, Владельцев Голого Копья и Помеченные Белой Краской отказались участвовать в походе. Что ж, это их дело.

Тогда Прикоснись-К-Тучам решает послать трубку другим кочевым общинам миннеконджу.

Воины военных обществ этих общин отказываются принять приглашение. Не беда. Прикоснись-К-Тучам идет дальше. Трубка отправляется к кочевым общинам лакота-брюле вождей Стоящего Лося и Высокого Орла. Сами вожди соглашаются выкурить трубку и вместе с ними – по несколько воинов военных обществ их общин. Кому-то пришелся по сердцу призыв вождя миннеконджу, кто-то решил остаться в стороне.

Честно скажу, для меня это было полным откровением. Я считал, что у индейских вождей больше власти.

– Речь не о власти, а об уважении, – пояснил мне Бент, когда я сказал ему об этом. – Во главе кочевой общины всегда стоит уважаемый человек, который ведает повседневными делами. Но в вопросах войны он лишь первый среди равных. В каждой кочевой общине есть свой главный вождь и совет старейшин, но они лишь советуют делать то или другое пяти-шести военным обществам. Одинокий Рог – миннеконджу, Стоящий Лось – брюле, Человек-Боящийся-Своих-Лошадей – оглала, Черный Котел – южный шайен, Черный Медведь – северный арапах. Все они великие вожди, слов нет. Но и они не в силах отдать жесткий приказ членам военных обществ даже своих собственных небольших кочевых общин, не говоря уже о целом племени. Никаких тиранов! Таких, например, как омаха Черный Дрозд, который применял яд, чтобы избавляться от неугодных соплеменников.

Вот так, не больше не меньше! Я оказался полным профаном относительно авторитета индейских вождей. Мне всегда казалось, что вождь племени правит своими людьми, как какой-нибудь царек в дебрях африканских джунглей. Получалось, однако, по иному. Похоже, индеец прерий в гордости духа и независимости мог переплюнуть кого угодно.

– Судя по скальпам на копьях, Прикоснись-К-Тучам может считать поход успешным, – предположил я.

– Вполне, – согласился Бент. – У миннеконджу к пауни давнишние счеты. Как, впрочем, и к Длинным Ножам. После налета на резервацию скиди, военный отряд в поисках разъездов кавалерии прочесал район Луп-Ривер и ее притоков.

Миновав Песчаные Холмы, он появился на тракте как раз в тот момент, когда по нему двигался караван Блэйда.

Я снова оглядел воинов и вождей, обратив особое внимание на знаки отличия и украшения. Я понимал, что каждый знак говорит о чем-то вполне конкретном, и мне стало интересно.

– Чарли, – обратился я за помощью к Бенту. – Что, к примеру, означает выкрашенное в красный цвет перо в волосах?

– Хм-м, – улыбнулся он. – Хочешь вникнуть в это… Что ж, то перо в прическе Прикоснись-К-Тучам означает, что он был ранен.

– А вот то, с красной засечкой?

– Вождь перерезал горло врагу и снял скальп… Красные полоски на перьях указывают на то, сколько было сделано ку – прикосновений к врагу. Каждая красная точка – это убитый враг, вшитые в перо полоски бисера – добытые скальпы, расщепленное вдоль перо – много ранений.

– А полоски и точки на телах воинов?

– Опять же, количество ку… Отпечаток пятерни – это взятые в плен враги, а красные крестики – места ранений.

– И на рубахах видны разные знаки…

– Рисунок трубки на одежде вождя – знак предводителя военного отряда. Черные кресты с разным количеством небольших полосок – это, каким по счету индеец прикоснулся к врагу – первым, вторым, третьим или четвертым. Кресты без полосок – убитые враги, знаки похожие на подковы – захваченные в бою лошади, изображения ружей, луков, щитов и прочее – захват всего этого в бою.

– Спасибо, Чарли. Целая азбука, честное слово… А про какие давнишние счеты с Длинными Ножами ты говорил?

– У кавалеристов первый бой в прериях случился с индейцами миннеконджу.

Я не знал об этом и попросил Чарли поделиться подробностями.

– Однажды, – начал он, – в 1853 году на берегу Северного Платта вблизи Форта Ларами один из миннеконджу, поссорившись с паромщиком, выпустил в него стрелу. Он промахнулся. Но комендант форта, решив наказать виновного, отправил в индейский лагерь лейтенанта Флеминга с вооруженным отрядом. Произошел бой, первый бой белых кавалеристов с тетонами, и несколько миннеконджу было убито. Тому Фитцпатрику, известному трапперу, стоило больших трудов отвести от стен форта жаждущих мщения миннеконджу. Чтобы задобрить их, было роздано множество подарков. Но первая кровь тетонов уже пролилась.

Спустя год, в августе 1854, к Флемингу, который стал комендантом, пришел мормон и пожаловался на то, что миннеконджу убил его корову. Офицер, не долго думая, отправил на поимку виновного молодого лейтенанта Грэттена во главе отряда пехоты. Неопытный офицер, вместо лагеря миннеконджу, напал на стоянку верховного вождя брюле Побеждающего Медведя. В схватке погиб и офицер, и весь его отряд – всего около тридцати солдат.

Летом следующего года против тетонов выступил генерал Хэрни. С шестьюстами солдатами – драгунов, пехоты и артиллерии – он вышел из Форта Ливенуорт и направился вверх по течению Платт-Ривер. В долине Блю-Уотер-Крик его разведчики обнаружили лагерь лакота. Это были южные брюле вождя Вакийи Зиткалы. Маленького Грома. В битве при Блю-Уотер солдаты уничтожили восемьдесят шесть индейцев, и семьдесят женщин и детей попали в плен… Хэрни лакота прозвали Сумасшедшим Медведем из-за этой резни… Так что у миннеконджу и брюле всегда найдутся счеты к Длинным Ножам.

– Все это понятно, – вздохнул я. – Злоба и жажда мести переполняют сердца, как белых, так и индейцев. Если белый обижает индейца, тот сделает все, чтобы отомстить. Когда он удовлетворяет себя, другой белый будет искать возможность наказать его за это. А краснокожий снова ответит ударом на удар… Какой-то замкнутый кровавый круг. Но кто-то ведь должен остановить это страшное колесо, Чарли?

Бент, покуривая трубку, в задумчивости покачал головой.

– Не знаю, Джо, не знаю… Слишком это далеко зашло. – Он взглянул мне в глаза. – Что касается меня, я озлоблен не меньше брюле или миннеконджу, и заноза в моем сердце сидит глубоко и цепко… Тебе легко говорить, тебя никто еще смертельно не обижал, ты не видел страданий и крови.

Вспомнив резню на Сэнд-Крик, я промолчал. Сказать тут было нечего.

Какое-то время мы еще оставались у костра, беседуя и попивая горячий кофе, а затем все разом устроились на ночлег, подложив под головы седла. Мои спутники укрылись одеялами, а я накинул на себя пиджак от костюма, в котором был на балу у Карстерсов. Впервые за много дней я мог спать совершенно спокойно: ночная стража военных отрядов никогда не теряла бдительности.

Поутру я был разбужен тем, что кто-то не сильно, но настойчиво толкал меня в бок. Открыв глаза, я увидел перед собой сидящего на корточках молодого индейца со свертком в руках.

– Чего тебе, воин? – спросил я спросонья.

– Васичу, Вахин Ханска – сичангу, кола, – ударив себя в грудь, произнес индеец.

– Очень убедительно, – кивнул я ему, не поняв ни единого слова.

Добродушное лицо краснокожего улыбнулось мне в ответ.

– Васичу… – снова начал он.

– Постой, приятель, – перебил я его. – Ни черта не понятно, о чем ты тут твердишь… Эй, Чарли, помоги разобраться с воином.

Бент проснулся, протер глаза и, зевая, спросил у индейца, что ему нужно. Тот повторил те же самые слова и ткнул пальцем в мой пиджак. Чарли с усмешкой перевел:

– Вахин Ханска, а это значит Длинная Стрела, брюле и твой друг.

– Очень приятно, знаешь, – сказал я. – А «васичу», что означает «васичу»?

– Бледнолицый, на языке лакота.

– Ага, – уразумел я. – И что же хочет от васичу Вахин Ханска?

– Ему, вроде бы, приглянулся твой пиджак.

– И я бы не сказал, что мне он противен.

Индеец опять заговорил, сопровождая слова красноречивыми жестами. Сначала он указал на мой пиджак и сделал движение, словно одевает его. Потом провел пальцем по заштопанным местам на моей одежде и, скорчив недовольную гримасу, односложно буркнул:

– Шича!

– Что? – я поднял глаза на Бента.

– Брюле не нравится твоя охотничья одежда.

– Мне тоже. И что он предлагает?

Состоялся быстрый диалог на лакота между индейцем и метисом.

– Не думай плохо о Вахин Ханске, Джо, – сказал мне Бент, положив руку на плечо индейца. – Он не попрошайка, и предлагает честный обмен.

Бент взял у индейца сверток и развернул его. Перед моим взором предстали замшевые штаны и куртка, красиво отделанные геометрической тетонской вышивкой и отороченные густой бахромой, а так же пара легких летних мокасин. Я не был глупцом, чтобы упустить шанс обменять костюм на удобную индейскую одежду и обувь.

– Ну что ж, – сказал я. – Балов в кочевьях шайенов не предвидится. Пусть брюле щеголяет в моем костюме перед красавицами племени.

Я достал из сумки брюки и вручил их вместе с пиджаком Вахин Ханске. Тот пытался сохранять приличествующий краснокожей расе равнодушный вид, но не долго. Он быстро облачился в костюм и с важностью прошелся перед собравшейся вокруг кучей соплеменников. Не совру, если скажу, что он смотрел на них, по меньшей мере, с превосходством.

Я последовал примеру, брюле и надел на себя обновку, только в отличие от него, не стал важничать перед своими спутниками. Проснувшаяся Лаура подошла ко мне и, потрогав замшу, с удовлетворением произнесла:

– Отличная выделка, мистер Кэтлин. Индейские женщины – прекрасные мастерицы… – Она посмотрела на ручей. – Надо бы освежиться перед дорогой.

Когда она пошла к берегу, я окликнул её:

– Лаура, Вы не будете против, если мы пройдемся вместе?

– Отчего же? Присоединяйтесь! – Она махнула мне рукой.

За всю дорогу от ранчо Карстерсов я почти не был с ней наедине, а если и выдавалась такая возможность, то я сразу тушевался, не находил слов и, используя любой предлог, скоро ретировался. В общем-то, это было на меня не похоже. Как уже говорилось ранее, я имел на своем счету не мало амурных похождений. Но в том-то, наверное, и было закавыка, что любовью в них и не пахло. Я легко завоевывал женщин и с такой же легкостью забывал о них на следующее утро. Здесь было все иначе. Я никогда не верил в такое понятие, как любовь с первого взгляда. Не верил, пока на главной улице Канзас-Сити не увидел прекрасную незнакомку. С тех пор в моем сердце поселилась застенчивость, от которой я долго не мог отделаться.

После того, как мы ополоснулись, Лаура, вышла на берег и, сорвав с земли травинку, присела рядом с высоким тополем.

– Присаживайтесь, мистер Кэтлин, – пригласила она меня. – Мы можем посидеть здесь с Вами, пока Чарли будет готовить завтрак.

Ох уж это её извечное «мистер Кэтлин», из-за которого вся моя храбрость уходила в пятки! Надо было с этим кончать, и я нашел в себе смелость высказаться:

– Лаура, мы с тобой так давно путешествуем, что пора бы уже называть меня просто Джо… Поверь, тяжко общаться с хорошенькой девушкой, величающей тебя мистером.

– Ну. я думаю, – сказала она, – действительно пора… Джо.

И тут, на берегу Лоджпол-Крик, я наконец-то почувствовал себя легко и свободно с Лаурой. Подавив свою застенчивость, я уже мог с ней не только просто разговаривать, но даже шутить и любезничать. Я рассказал, по её просьбе, о своем детстве в Сент-Луисе. Она любезно поделилась воспоминаниями о своих детских годах. Правда, её рассказ был пропитан грустью. Я видел блестевшие на её ресницах слезы, когда она упоминала несчастных родителей и брата.

По зову Бента. мы вернулись на стоянку и после завтрака снова двинулись в путь.

Глава 6

Несмотря на свою многочисленность, военный отряд тетонов постарался обогнуть окрестности Форта Ларами стороной. Там был расквартирован отряд 11 – ого огайского кавалерийского полка полковника Коллинза, и индейцы побаивались встретиться с каким-нибудь из его эскадронов.
С разведывательными отрядами Длинных Ножей еще можно было тягаться силой, но вооруженные до зубов летучие эскадроны Коллинза являлись для них нешуточной угрозой.

К тому же, на реке Норт-Платт вожди военного отряда получили слишком важные известия о передвижениях Длинных Ножей, чтобы и дальше ехать без всяких опасений. Поставщиками информации стали несколько индейцев, повстречавшихся нам на пути. На первый взгляд, это было сборище краснокожих

клоунов, напяливших на себя, вроде Вахин Хански, самые разнообразные одежды белых. На голом торсе одного из них, могучего телосложения вожде, красовалась армейская куртка с сержантскими шевронами, а прямо на длинные орлиные перья была нахлобучена шляпа без верха. И остальные были большими выдумщиками. Тут и там виднелись то кавалерийские бриджи с лампасами, то матерчатые женские накидки. Можно было подумать, что индейцы сначала прошли через армейский склад, а потом заглянули на торговую ярмарку.

– Что это за сброд? – спросил я у Бента.

– Тетоны их зовут Ваглугхе, что значит Ларамийские бездельники. – ответил тот. – Возле форта Ларами, у похоронного настила старого вождя Дыма, их около полутора тысяч. В основном, лакота с малым количеством шайенов и арапахов, С прошлого года стоят там лагерем и живут подачками белых. По приказу генерала Доджа полковники Коллинз и Мунлайт из их числа набрали эскадрон разведчиков и выдали оружие и обмундирование.

– Да, к форме одежды здесь не придерешься, – со смешком заметил я.

– Это УЖ точно. – улыбнулся Чарли и продолжил: – Командует ими Ите Танка, Большой Рот. – Он указал на индейца в шелковой шляпе. – Но если Коллинз думает, что они ревностно ему служат, то он ошибается. Уже не раз Ларамийские бездельники предупреждали боевых вождей о намерениях кавалеристов… Кажется, и сейчас у них есть новости.

Большой Рог, не сходя с лошади, стал что-то говорить Прикоснись-К-Тучам.. Чарли прислушался.

– Ите Танка сообщил, что три дня назад из форта Ларами выехали два эскадрона Длинных Ножей, – сказал он, когда Большой Рот со своими спутниками пришпорили лошадей и поехали прочь. – Он уверяет, что они выехали с задачей прочесать прерию в районе истоков Шайен-Ривер. Коллинзу стало известно о стоянке Римского Носа.

– Это опасно для шайенов? – спросил я.

– Не думаю, – ответил Бент. – После Сэнд-Крик шайенов не застать врасплох. Тем более теперь, когда они откочевали слишком далеко к югу. Разведчики

предупредят Римского Носа.

– Но тогда нам уже не найти лагеря у истоков Шайен-Ривер.

– Не волнуйся, Джо, – успокоил меня Чарли. – В тех местах я найду лагерь, где бы он ни стоял.

Мы двинулись дальше, оставив позади Норт-Платт с мелкой неторопливой водой и низкими берегами, покрытыми скудными тополевыми рощами. Начинались области высоких прерий. Зеленые луга переходили в пышные долины, повсюду были разбросаны тенистые лесочки, орошаемые прохладными чистыми ручьями. После утомительного однообразия бесконечной степи, гористые ландшафты особенно западали в душу, и езда по ним доставляла редкое удовольствие.

Мы двигались довольно быстро и вскоре переправились через Найобрэру. Отсюда путешествие приобретало опасный характер. По словам Большого Рта, Длинные Ножи могли рыскать где-то в этих краях. Поэтому Прикоснись-к-Тучам предпринял повышенные меры предосторожности. Спереди, сзади и по бокам военного отряда ехали дозоры, на очередных биваках всегда выставлялись усиленные посты. Казалось, что еще не хватало? Но встреча с кавалеристами состоялась и. вопреки ожиданиям, она была внезапной и обескураживающей.

На нашем пути стояла большая березовая роща. Роща как роща, сколько таких осталось позади. Как обычно, первыми в нее въехали передовые разведчики – пятеро молодых воинов миннеконджу. Военный отряд продолжал неторопливо ехать вперед, ожидая от разведчиков знака, что все нормально. Но через минуту на опушке показался лишь один из них и не проскакав и десятка ярдов, свалился с лошади с длинной стрелой в спине. Пока мы в замешательстве торчали на месте, переглядываясь и задавая вопросы, из рощи внезапно вырвалась лавина кавалеристов с дюжиной следопытов из племени кроу, которые, потрясая луками, испускали дьявольские вопли. Первым же залпом из карабинов Длинные Ножи уложили дюжину индейцев военного отряда. Оставшиеся в живых запаниковали и начали отступать. Я тоже потерял голову. Сначала пришпорил Маркиза, затем остановился, выхватил спенсер и хотел было открыть из него огонь.

«Боже. – пронеслось в мозгу. – Что я делаю? Я же белый человек! Это мои сограждане».

Я воткнул карабин в чехол и в растерянности глазел на приближающиеся эскадроны. Стрельба не прекращалась, и пули свистели в убийственной близости от меня. Слышался громкий рев:

– Бей красноко-о-о-жих!

В это мгновение раздался голос Чарли Бента:

– Джо, скачи с Голубой Птицей за нами!

Я оглянулся: он и Лаура гнали лошадей по обратной дороге, махая мне руками. Испуганная девочка была рядом. Ее норовистый гнедой жеребец, закусив удила, вставал на дыбы и бил в воздухе передними ногами. Я опять посмотрел на атакующих солдат, и тут до меня дошло:

«Какой же я для них белый человек в этой тетонской одежде?! Да они изрешетят меня пулями Только за то, что я ехал вместе с военным отрядом».

Это было горькой правдой. Мне ничего не оставалось, как спасаться бегством вместе с Голубой Птицей. Но этот норовистый жеребец индеанки! Она не смогла с ним справиться и вместо того, чтобы поскакать назад, он понес ее в сторону. Я погнал Маркиза следом, надеясь догнать жеребца и повернуть его в нужном направлении. Я понял, что нас ждут трудные испытания, когда увидел, как не менее десятка кавалеристов устремились в погоню за нами.

Уже первые ярды бегства ясно показали, что я не прогадал в выборе четвероногого друга. Маркиз летел как на крыльях, мили две он преодолел с поразительной легкостью, словно проглотил. Мне даже приходилось его сдерживать, чтобы скакать рядом с гнедым Голубой Птицы. Не сумев на полном скаку заставить гнедого повернуть в нужную сторону, я оставил его в покое, понадеявшись на то, что избранная им дорога окажется для нас счастливой. Однако местность была холмистой, и на одном из спусков отчаянно цеплявшаяся за поводья девочка не выдержала нагрузки. Ее выбросило из седла, и она покатилась по крутому склону.

Я понимал, что любая задержка осложнит наше положение до предела. Но разве я мог оставить девочку в беде, скача себе и дальше по дороге спасения? Конечно же, нет. Тут речь шла о простой порядочности.

Оправившись от падения, Голубая Птица в нерешительности стояла у подножия холма, бросая взгляды то на меня, то на удалявшегося гнедого жеребца. Мне нужно было подхватить ее и скакать на Маркизе прочь. Жаль, что не успел. Когда я приблизился к ней, на вершине холма появились преследователи с карабинами на перевес. Спрыгнув с лошади, я обнял Голубую Птицу, и громко крикнул:

– Не стреляйте!.. Кроме беззащитной девчонки, вы прикончите своего соотечественника.

Я видел, что кавалеристы меньше всего ожидали услышать чистый английский из уст преследуемого «краснокожего». Они выглядели озадаченными, те десять солдат во главе с лейтенантом и сержантом. О чем-то переговорив с последним, лейтенант произнес:

– Ладно, отстегни ремень и отбрось его в сторону. Все они спустились к подножию и, сойдя с коней, окружили нас полукольцом. Молодые солдаты, скорее всего, новобранцы, с любопытством разглядывали меня и мою одежду. В глазах же их командиров читалась угрюмая подозрительность. Сержант поднял с земли мой ремень с револьвером и отдал его одному из солдат.

– Ну, соотечественник, что ты за птица? – начал допрос лейтенант, смазливый, со светлыми щетинистыми усами над тонкой верхней губой. Слово «соотечественник» он произнес с заметной издевкой.

– Джозеф Кэтлин – ответил я. – Из Сент-Луиса.

– Индейское имя?

– Что? – переспросил я.

– Твое индейское имя, изменник! – рявкнул чернобородый сержант, сверкнув темно-карими маленькими глазками.

– Никакой я не индеец. – Мои губы раздвинулись в попытке улыбнуться, но рот пересох, как мелкий ручей в засушливое лето. Мне становилось ясно, что я попал в жестокую переделку.

– Лейтенант Скотт, сэр, – гаркнул сержант. – Провалиться на месте, если это не проклятый сквомэн, кочующий с тетонами! – Он зло посмотрел на меня.

– Дело в том, что я случайно оказался среди индейцев военного отряда. Вас смущает моя одежда? Я объясню…

– Ни один честный американец не поедет запанибрата с краснокожими головорезами, ублюдок! – процедил лейтенант, буравя меня презрительным взглядом. – Изворотливая змея, ты заслуживаешь, чтобы тебя проучили!.. Сержант Мортон, к делу!

Широкоплечий сержант повиновался с радостью. Его крепкие кулаки тут же застучали по моему лицу, и вскоре я напоминал собой изувеченного боксера, которому соперник не дал никаких шансов. Результатом избиения стали рассеченные брови, губы и щека. Я держался на ногах до тех пор, пока один из хлестких ударов Мортона не отправил меня в нокаут. Очнувшись и лежа лицом вниз, я услышал голос лейтенанта:

– Мы можем пристрелить его и здесь, Мортон, без всяких проблем. Но сдается мне, живым он послужит нам лучше. За поимку ренегата полковник Коллинз замолвит словечко там, наверху, и нас будет ждать награда… А сейчас я позабавлюсь немного с этой краснокожей потаскушкой.

О, этот подонок собрался изнасиловать девочку! Невзирая на боль и тяжесть в голове, я сумел встать на ноги.

– Опомнитесь, лейтенант! – мой голос звучал глухо. – Она же еще ребенок!

Лейтенант Скотт повернул голову в мою сторону, его светло-серые глаза смотрели на меня с наглостью.

– Ах, защитник краснокожих язычников уже очухался! Что ж, подожди вместе со всеми, пока я буду заниматься с твоей спутницей.

– Она сестра Римского Носа. Задумайтесь о последствиях!

– В самом деле?! – удивился лейтенант. – Ну, для меня это большая честь. – Он обернулся к Мортону. – Надо же, сержант, искали Римского Носа, а нашли его родную сестру.

Он схватил руку Голубой Птицы и потащил ее в близлежащие сливовые кусты. Она сопротивлялась, кричала что-то на своем языке.

Я опустился на землю и обхватил голову руками. Мне было больно и стыдно за то. что тут творилось. Появись у меня в тот момент оружие, я бы с удовольствием расстрелял и наглеца лейтенанта, и бессердечного сержанта, и даже этих скалящихся молоденьких солдат, оживленно обсуждавших своего командира. Клянусь, я сделал бы это. и не дрогнула бы моя рука.

Через какое-то время удовлетворенный Скотт вышел из кустов, ведя девочку за руку. На ею губах играла улыбка, он. по всей видимости, был доволен собой. Усадив Голубую Птиц) на землю в дюжине футов от нас. он подошел ко мне.

– Признаться. Кэтлин, я неплохо выглядел.

– Ты животное, лейтенант! – отреагировал я с ненавистью. – Подлое, грязное животное!

Скотт рассмеялся мне в лицо.

– Зачем же так строго судить меня, Кэтлин? Ты хватил через край. Я всего лишь доставил себе маленькое удовольствие.

Он отошел к сержанту и о чем-то вполголоса с ним заговорил.

Я посмотрел на Голубую Птицу. Она сидела, опустив голову, и тихо плакала. Мое сердце обливалось кровью от жалости к ней и от своей беспомощности.

– Поди-ка сюда, Кэтлин, – послышался голос Скотта.

Я подошел. Он вертел в руках мой кольт и улыбался.

– Знаешь, у меня есть к тебе предложение, – с наигранной любезностью произнес он. – Ты сейчас возьмешь свой револьвер, в котором есть один патрон, и пристрелишь индеанку – не оставлять же ее в живых, чтобы она потом пожаловалась этому кровавому Римскому Носу – а я берусь доставить тебя в Форт Ларами и доложить полковнику Коллинзу, что ты во всем раскаялся... Ну, как, идет?

После того, что случилось с Голубой Птицей, я знал, что ее короткая жизнь на исходе. От моей ли руки, от чужой ли, она все равно бы погибла, но для меня открывалась возможность единственной пулей рассчитаться с этой мерзкой скотиной, лейтенантом. Я мало заботился о своем будущем, во мне горело желание пристрелить подлеца.

– Я согласен, – коротко сказал я и принял из рук Скотта оружие.

Голубая Птица по-прежнему сидела с опущенной головой. Я прицелился в нее. затаил дыхание, а потом резко навел ствол на лейтенанта и спустил курок. Осечка! Я снова попытался выстрелить – опять без результата. Пустой барабан лишь звонко щелкал от моих усилий.

– Ха-ха-ха! – раздался хохот Скотта. – Я же говорил тебе, Мортон, что этот мерзавец стал настоящим индейцем. Ты видел, как он старался отправить меня на тот свет?

Лейтенант стоял вполоборота ко мне, и не смог заметить моего рывка. Его заметили другие, но я действовал стремительно. Зажав в правой руке ствол кольта, я со всей силы обрушил увесистую рукоятку на голову Скотта. Прежде, чем чей-то приклад погасил мое сознание, я услышал. как треснул череп лейтенанта.

Мое пробуждение было долгим и тягостным. Темный мрак беспамятства отступал медленно, словно я был его ценным пленником. Он сдавал свои позиции потому, наверное, что крохотная искорка жизни мало-помалу разгоралась в моей груди и еще оттого, что его гнал прочь настойчивый голос. Этот голос был мелодичным, приятным, утешающим, дающим надежду и успокоение. Казалось, он звучал постоянно. Когда свет проникал в мое сознание, он лился, подобно волшебной музыке, когда же мрак простирал надо мной свою могучую длань, в нем слышались легкая грусть.

Я долю не мог понять, что мне говорил этот мягкий, бархатистый голос. У меня просто не было на это сил. Но настала минута, когда я, хоть и не четко, но смог разобрать:

– Джо, довольно спать. Ты должен проснуться.

Я с трудом раздвинул веки. Надо мной склонилось дивное лицо. В моих глазах все плыло и колыхалось, черты лица были неясными, зыбкими, но я узнал их.

– Лаура, – шепнули мои губы, и глубокая радость горячей волной обдала сердце.

Девушка прохладной ладонью провела по моему лбу.

– Да, это я, Джо. Побудь со мной немного.

Я окинул взглядом темное помещение, пропахшее выделанными шкурами и дымом костра.

– Где я? – слабым голосом спросил я. – Что со мной?

– Ты в лагере шайенов, в типи Джорджа Бента.

– Значит, мне повезло?

– Ты будешь жить, Джозеф. Мой отец был доктором.

– Как я оказался здесь?

– Не задавай больше вопросов и прими вот это – она поднесла к моему рту ложку из оленьего рога с какой-то целебной пахучей настойкой. – Лекарство придаст тебе сил.

Я выпил горькое снадобье и почувствовал, как меня охватывает мрак.

– Лаура, – успел прошептать я.

– Да, Джо. – Лицо девушки снова склонилось надо мной.

– Я люблю тебя!

За секунду до того, как погрузиться в сон, я ощутил на своих израненных губах легкий влажный поцелуй.

Я спал глубоким живительным сном, а когда очнулся, то сразу почувствовал себя лучше. Я приподнял голову и увидел Лауру, сидевшую спиной ко мне у очага и стряпавшую на нем какое-то замечательное кушанье. Тесное пространство типи было буквально пропитано ароматными запахами.

– Лаура. – позвал я.

– О, Джозеф! – обернувшись, воскликнула девушка. – Как ты себя чувствуешь?

Она поднялась и присела на лежанку из бизоньих шкур. Ее лицо светилось, глаза сияли.

– Знаешь, настолько хорошо, – с улыбкой сказал я, – что с удовольствием попробовал бы твоего кушанья.

– Вот это здорово! Я знала, что делаю.

Спустя мгновение она поднесла мне деревянную тарелку, наполненную каким-то густым варевом, и ложку из оленьей кости.

– Сможешь присесть? – спросила она.

– Попробую, – ответил я, приподнимаясь на лежанке и протягивая руки к тарелке.

– Нет, нет, только присесть, – категорично заявила она. – Ты еще слаб, и уж позволь мне покормить тебя.

– Лаура, мне так неудобно… – попробовал возразить я.

– Джозеф Кэтлин, – полусерьезным тоном произнесла она, – вы обязаны слушаться своего доктора.

– Слушаю и повинуюсь. Но сначала я хотел бы узнать, чем меня собираются потчевать?

– О, это вкуснейшее блюдо, Джо, – поспешила заверить она. – Густой суп из бизоньих мозгов, заправленный ароматными травами.

Следующие несколько минут я прилежно открывал рот, чтобы насытиться этим действительно вкусным блюдом. Я был не против и попросить добавки, но Лаура ограничилась одной тарелкой, сославшись на мой ослабевший желудок.

– Теперь приляг и отдохни, – сказала она. – А чуть позже встретишься со своим другом.

– С Джорджем?.. Где он?

– Недалеко. Я сейчас…

Мой голос остановил ее на полпути к выходу.

– Лаура, я тебе сказал правду.

Она обернулась и посмотрела на меня.

– Когда?

– Перед тем, как заснуть.

Она подошла к лежанке и, опустившись на колени, поцеловала меня быстрым нежным поцелуем. Прежде чем я успел обнять ее, чтобы продлить удовольствие, Лаура легко упорхнула к выходу.

– Я поцеловала тебя дважды, – мягко сказала она. – Заживут губы, и ты получишь больше, милый. – Она откинула полог и вышла наружу.

Сладкая истома разлилась в моем сердце. Теперь я знал наверняка, что Лаура также любит меня. Эта уверенность заставила все мое естество изнывать от безграничной радости. Такого душевного подъема я не испытывал никогда в жизни и поблагодарил небо за великое счастье.

Я был весь во власти приятных грез, когда полог откинулся и в типи зашли двое мужчин.

– Джо, дружище, наконец-то ты пришел в себя! – воскликнул Джордж Бент, направляясь ко мне с раскинутыми руками.

– Старина Джордж, я рад тебя видеть, – проговорил я и приподнялся на локоть.

Мы заключили друг друга в крепкие объятия, а затем обменялись рукопожатием. Как водится при встрече двух давних друзей, посыпались обоюдные вопросы.

– Черт, ну и переволновался я тут за тебя, – удовлетворившись моими ответами, произнес он.

– Скажи спасибо Лауре, это она утихомирила лихорадку… – Он вдруг спохватился, посмотрев на своего краснокожего спутника и посерьезнев. – Джо, Римский Нос хотел поговорить с тобой.

– Что с Голубой Птицей? – с тревогой спросил я.

– Те Длинные Ножи расстреляли крошку, Джо, – ответил Бент, нахмурившись.

Я с состраданием посмотрел на лидера Кривых Копий. Мне было известно, что индейцы переносят смерть женщин легче, чем гибель мужчин – наследников и воинов, но очевидная печать скорби на лице Римского Носа говорила об обратном. Видно, он любил свою сестру, и ее смерть причинила ему много горя. Столько наслышавшись о бесстрашном и несгибаемом шайене, я теперь окинул его внимательным взглядом. Как и все шайены, тридцатипятилетний Римский Нос отличался высоким ростом – если точно, то он равнялся шести футам и трем дюймам – и крепким телосложением. Лицо у него было выразительное с высоким лбом, орлиным носом и глубоко посаженными карими глазами. Во всем его благородном облике ощущались независимость и гордое

достоинство прирожденного предводителя. Я уже видел немало индейцев, но этот своим броским и строгим видом произвел на меня сильное впечатление. Римский Нос с юных лет создал себе славу храбрейшего воина, и не было ничего удивительного в том, что он стал вождем ведущего военного общества южных шайенов Кривые Копья. Он всегда был на острие атак шайенов, но его ни разу даже не ранило. Молва твердила, что магическая сила Вокуини отчасти зиждилась на его клятве никогда не жениться. Главной же причиной этой неуязвимости было ношение особого головного убора из сорока красных и черных орлиных перьев. Ритуал одевания убора сопровождался строжайшим табу, – ни при каких обстоятельствах не прикасаться к пище железными ножами, вилками или ложками. Если же такая неосторожность случится, потребуется долгий обряд очищения, чтобы восстановить магию боевого головного убора. И Римский Нос постоянно подвергал проверке свою силу, не спеша скача на лошади прямо перед вражескими рядами. Не мудрено, что шайенская молодежь боготворила своего кумира.

Вместе с Джорджем лидер Кривых Копий присел на шкуры, расстеленные возле моей лежанки.

– Вокуини, – отчетливо произнес он, ударив себя в грудь и протянув мне правую руку.

– Джозеф, – сказал я, обменявшись с ним рукопожатием.

Римский Нос покачал головой и, указав на меня пальцем, четко проговорил:

– Ниго Хайез!

– О чем это он? – спросил я у Джорджа.

– Римский Нос будет называть тебя Отважным Медведем, – пояснил тот. – Когда ты бросился на лейтенанта с револьвером в руке, ты, по его мнению, походил на грозного медведя, который не ведал страха.

– Не понял?! – изумился я. – Что, Римский Нос был в тот момент где-то рядом?

– Тебе сейчас все станет ясно, Джо. Когда наши разведчики сообщили о приближении Длинных Ножей, мы снялись с лагеря и ушли далеко на север. Кавалеристы, увидев пустую стоянку, не отважились двинуться за нами. Когда разведчики доложили Римскому Носу о том, что они пошли на восток, тот собрал отряд воинов, чтобы отправиться по их следу и попытаться угнать их ценных породистых лошадей на одном из привалов. Получилось так, что мы не смогли предупредить военный отряд лакота о засаде. Мы держались сзади, и только когда началась стрельба, поняли, что кавалеристы напали на каких-то индейцев. – Бент положил на мое плечо ладонь и горько ухмыльнулся. – Откуда нам было знать, что среди них находились вы? Увидев, как десяток Длинных Ножей помчался за тобой и Голубой Птицей, Римский Нос решил прикончить их. Чтобы остальные кавалеристы или разведчики кроу не заметили нас, мы бросились не вслед за вами, а сделали сначала крюк в сторону. И, как оказалось, на этом было потеряно слишком много времени, чтобы вызволить из беды Голубую Птицу. Мы успели лишь увидеть, как ты размозжил голову лейтенанту и как чернобородый боров сразу после твоего падения расстрелял бедную девочку из твоего карабина…

– Сержант Мортон, – сказал я, вспомнив кавалериста с ехидными свиными глазками.

– Бессердечный дьявол, а не сержант Мортон! – со злобой бросил Бент. – И ведь ему одному повезло, скотине! Он сумел ускакать от нас на быстрой лошади.

– На Маркизе? – хрипло спросил я, ожидая самого худшего.

– Не беспокойся, Джо, твой Маркиз жует травку вместе с нашим табуном. Ему попалась другая хорошая лошадь.

– А седло?

– И седло, и сбруя, и оружие лежат вон в том углу.

Бент кивнул головой на заднюю стенку типи.

– Ну, так вот, мы упустили сержанта, но остальным повезло меньше. Разделавшись с ними, Римский Нос, к своему горю, обнаружил, что расстрелянная девочка – его сестра, а я, к радости, нашел тебя живого, хотя

и без сознания. По пути в лагерь нас нагнали Чарли и Лаура.

Когда Бент закончил, Римский Нос что-то сказал ему на языке шайенов.

– Слушай, Джо, – обратился ко мне Джордж. – Римский Нос хочет знать, за что ты прикончил лейтенанта? Он думает, что ты шел на явную смерть, и это как-то связано с его младшей сестрой.

– Скажи Вокуини, что он проницательный человек. Да, я проломил череп негодяю из-за его сестры. Мне предложили убить ее и подсунули разряженный револьвер. Я просто использовал его вместо кастета.

Я не стал говорить им всей правды. Какая участь ждала бы всех белых пленниц, скажи я Римскому Носу об изнасиловании Голубой Птицы. Мне пришлось скрыть этот факт, и я никогда не пожалел о принятом решении.

Римский Нос снова крепко пожал мне руку и проговорил на шайенском:

– Наоноатамо, вехо-хетан!

– Вокуини уважает тебя, белый человек, – перевел Джордж.

– Хо-ва! – указал на меня шайен и, покрутив головой, добавил: – Нисси-нио!

– Вокуини назвал тебя другом, Джо, близким другом, – с радостью сказал Бент.

Затем шайен задал мне вопрос через Бента:

– Надолго ли ты к шайенам?

– Скажи ему, Джордж, что я всегда хотел пожить среди индейцев.

Бент перевел, и Римский Нос сказал так:

– Пусть пребывание Ниго Хайеза в кочевьях шайенов будет приятным и продолжительным.

Глава 7

Трех месяцев, проведенных с шайенами, мне вполне хватило, чтобы по уши влюбиться в индейскую жизнь. Мои ожидания сбылись, я был как никогда счастлив и доволен своей судьбой. Оправившись от болезни, я жил как индеец, охотился как индеец, отдыхал так же, как он, и это не переставало мне нравиться. За прошедшие три месяца я успел снискать славу опытного укротителя мустангов и меткого стрелка на большой летней бизоньей охоте. Я стал свидетелем Танца Солнца – второго по значимости шайенского церемониала после Обновления Священных Стрел. Мне удалось даже поучаствовать в набеге за лошадьми индейцев кроу и обзавестись, как следствие, своим первым табуном из шести голов.

Теперь немного о том, что представляли собой южные шайены, ушедшие после Сэнд-Крик на север. Под напором белых цельный костяк племени стал крошиться еще в середине века, а к 65 – ому году от могучего лагерного круга, состоявшего из десяти кланов, остались лишь воспоминания. С Римским Носом пошли люди разных кланов. Тут были Сожженные Аорты – Хевикснипакис, Волосяные Веревки – Хевайтанио, Струпья – Ойвиамана, Люди Хребта – Хисиометанио, Солдаты Псы – Хотамитанио, Сутайи и другие, но сейчас они жили как Солдаты Псы – военными обществами. Воины скорее называли себя Красными Щитами, Волками или Кривыми Копьями, чем Волосяными Веревками, Сожженными Аортами и т. п. И, тем не менее, шайены были верны себе как никакой другой народ прерий. Их обычаи ничуть не изменились. Воины, как всегда, отличались храбростью, а женщины – редким целомудрием.

Я с первых дней жил рядом с Римским Носом и поэтому мог считаться одним из Химо-вий-юк-ис – Кривых Копий.

Как мне описать те восхитительные дни по выздоровлении, слившиеся в один, казалось, бесконечный праздник? Они были сказочно превосходны! Я любил, и был любим!

Это время высокой любви сделало жизнь настоящим чудом. Я каждую минуту хотел быть рядом с Лаурой, видеть ее прекрасные карие глаза, слышать ее

нежный бархатистый голос и мягкий смех. И она, я это знал, тянулась ко мне всем своим существом. Ведь мы любили друг друга и решили, что в пору индейских свадеб, в сентябре, станем мужем и женой. По правде сказать, я мог считать себя счастливчиком. Молодому шайену требовалось что-то около пяти лет постоянного ухаживания за избранницей. Как уже говорилось, шайенские женщины были самыми недоступными и чистыми в прериях. Соблазнить шайенку до свадьбы являлось делом почти невыполнимым, а если это происходило, то клеймо позора оставалось на ней навеки. Ни один юноша не делал такой предложения.

Ожидая заветного срока, мы наслаждались нашим счастьем, думая, что ему не будет конца. И вдруг грянул гром.

Лагерь наш стоял на берегах Паудер-Ривер рядом со стоянкой северных шайенов Тупого Ножа. Я жил в жилище Бентов, а Лаура – в типи своей тетки, Легкой Антилопы. Как я уже отмечал, мы с ней почти не расставались, нас разлучала лишь ночь. И вот, одним проклятым утром в июле я не застал ее дома. Мне сказали, что она и ее подруга, Лиловая Заря, ушли в соседний лесок по грибы. Делать было нечего и я, сводив своих лошадей к реке, вернулся в жилище, чтобы убить время с друзьями-метисами. Мы курили, болтали, и крику лагерного глашатая сначала не придали никакого значения. К тому же, он шел с южного конца стоянки, его почти не было слышно.

– Наверное, очередное приглашение от северных шайенов на пир, – предположил Чарли.

Голос глашатая стал звучать отчетливее.

– Нет, это не приглашение, – покачал головой Джордж. – В голосе Твердого Вяза слышна тревога.

Они напрягли слух. Я уже немного знал шайенский и тоже прислушался. Глашатай приближался.

– Черт побери! – воскликнул Чарли, вскочив на ноги. – Что-то стряслось с Лаурой!

Меня словно окатила холодная волна. Я неподвижно сидел на шкурах, уставившись на Чарли.

– Что!? – наконец вырвалось у меня.

– Бежим! – крикнул он, бросаясь к выходу.

Мы с Джорджем ринулись за ним и, выскочив наружу, обнаружили такую картину: со всех сторон лагеря к типи Римского Носа бежали молодые воины; женщины и дети взирали на столпотворение, стоя у жилищ.

Глашатай уже разговаривал с Римским Носом. Мы кинулись к нему. Моя растерянность сменилась ужасом, когда Римский Нос в волнении произнес:

– Апачи захватили Белое Облако (так шайены называли Лауру) и едва не убили Лиловую Зарю.

Он говорил о двух апачах – мескалеро, незадолго до этого прибывших в лагерь. Лет десять назад, когда они были еще подростками, военный отряд шайенов взял их в плен в одном из южных походов. Они жили среди Кривых Копий как полноправные члены племени, но не забывали свою родину. И когда представилась возможность, сбежали на юг, в места кочевий мескалеро. Вскоре о них забыли. Однако недели две назад они вернулись, сказав вождям и приемным родителям, что сделали ошибку. Племя мескалеро Длинные Ножи загнали в голодную резервацию, говорили они, и им там не понравилось. Они хотят жить среди шайенов вольной жизнью, твердили молодые апачи, и вожди, вняв просьбам, приняли назад своих заблудших приемных сыновей.

Теперь они снова предали шайенов. Но на сей раз, прихватили с собой Лауру, и чуть было не обагрили руки кровью Лиловой Зари. Зачем они это сделали? Что, кому-то из них понравилась Лаура?

Я терялся в догадках, не находя ответа.

– Когда это произошло? – глухим голосом спросил я.

– Только что, – ответил Римский Нос. – Нам надо спешить. – Он взглянул на Чарли Бента. – Чарли, со мной поедут Джордж, Ниго Хайез, ты и еще шесть надежных воинов, которых выберешь сам. Нас хватит, чтобы догнать паршивых собак мескалеро и спасти Белое Облако… К оружию!

Через считанные минуты я, мои друзья и избранные воины уже ожидали Римского Носа у южного конца лагеря. Его приближение мы приветствовали восторженными кликами. Он скакал на красивом гнедом жеребце в боевом наряде Кривых Копий, его пышный головной убор из орлиных перьев с бизоньим рогом в широкой налобной повязке, словно разноцветный шлейф, красочно развевался на ветру.

– Братья! – громко вскрикнул он, остановив гнедого. – Я воин, а не оратор. Поэтому я буду краток. Белое Облако в опасности. Разве позволят Кривые Копья, чтобы дочь шайенов была обесчещена паршивыми собаками мескалеро? Разве они позволят это?

Протяжный вопль негодования вырвался из глоток воинов и не затихал до тех пор, пока Римский Нос не поднял руку.

– Я знал ваш ответ. Великий Дух и Отец Солнце следят за нами, и они будут на нашей стороне.

Он развернул жеребца и хотел было пустить его вскачь, но один из воинов, Бегущий Ворон, своими словами приостановил движение:

– Вокуини говорил о Великом Духе и Отце Солнце, которые всегда хранят наш народ. Я думаю, они не одобрят отправления на военную тропу без священной пляски – Танца Войны.

Римский Нос смерил взглядом чересчур религиозно настроенного бойца.

– Если Бегущий Ворон нуждается в том, чтобы Танец Войны придал ему смелости, то пусть он останется в лагере. У нас нет времени. Храбрые воины понимают, что надо спешить… Или Бегущий Ворон старая женщина, а не бесстрашный шайен? Или звон шаманской погремушки для него важнее чести девушек нашего племени?

Бегущий Ворон заметно смутился.

– Я просто хотел сказать, что священный танец нам бы не помешал, – попытался оправдаться он.

Римский Нос отвернулся от него, не удостоив ответа. Я мысленно поздравил лидера Кривых Копий за благоразумную речь. Даже в цивилизованных странах люди не очень-то любили отправляться в поход без благословения священника. А что же говорить об индейцах, чья жизнь буквально спутана густой паутиной религиозных запретов и вмешательством шаманов? Я прожил с ними недолго, но и этого времени хватило, чтобы хорошо ознакомиться с индейскими табу и поверьями. Это была раса глубоко верующих людей, ревностно чтящих свои обычаи и богов. Как оказалось, при определенных обстоятельствах и они могли действовать быстро и решительно, если того требовало дело. Замечание Бегущего Ворона было проигнорировано Римским Носом, и его твердая решимость пришлась мне по сердцу.

Издав боевой клич шайенов, Вокуини возглавил погоню без дальнейших колебаний.

Найдя след мескалеро, мы к своему огорчению обнаружили, что они были хитры и предусмотрительны. Они знали о неизбежной погоне и, кроме трех лошадей, везших их и пленницу, прихватили из большого шайенского табуна еще столько же запасных. Меняя лошадей, негодяи могли скакать целыми днями. Поэтому преследование обещало быть долгим и утомительным.

След беглецов, не петляя, вел сначала на юго-восток, а за Норт-Платт повернул к югу. Мескалеро без передышки меняли лошадей и сумели оторваться от нас на многие и многие мили. Но затем появились первые признаки того, что они стали чувствовать себя более раскованно. Стремительный бег их лошадей сменился неторопливой рысцой, кое-где они даже позволяли себе делать короткие привалы. Видно было, что, приближаясь к родным местам, мескалеро утратили первоначальную бдительность. На пятый день преследования у истоков Симаррон-Ривер воины нашего отряда внезапно притормозили лошадей и стали принюхиваться к утреннему воздуху. Я вопросительно взглянул на Римского Носа. Тот как-то странно улыбнулся и произнес только два слова, но эти слова заставили мою кровь струиться по жилам в два раза быстрей.

– Дым костра!

Высланные на разведку двое шайенов вернулись скоро, однако показались мне сильно взволнованными. Я терялся в догадках о причине их озабоченности, пока один из них не заговорил. Его новости можно было сравнить со стаканом

ледяной воды, вылитой за шиворот. Да, впереди находились беглецы. Да, это был дым их костра. Но кто мог предположить, что это была и стоянка двадцати верховых липанов, дальних родственников мескалеро?! Нет надобности говорить об охватившей нас растерянности. Все мы оказались не подготовленными к подобного рода новостям. Все, кроме одного. Вокуини был не тем человеком, чтобы поддаваться панике и колебаниям. Не даром шайены считали его своим не превзойденным военным предводителем.

Спрыгнув с гнедого и присев на корточки, он знаком показал нам последовать его примеру. Дав возможность желающим высказаться, он затем сам взял слово:

– Если мы нападем на стоянку липанов сейчас, когда еще не разгорелся свет утра, у нас будет преимущество во внезапности,

Вокуини говорил не утвердительно, а как бы высказывал предположение. Один из воинов, все тот же Бегущий Ворон, перебил течение его мысли:

– Как погибший во тьме шайен найдет дорогу в Счастливые Охотничьи Угодья?

Не глядя на воина, Римский Нос сухо бросил:

– Я слышу робкого койота. Дух храброго шайена найдет путь в самую темную ночь. Химавихийо, Правящий Наверху, проведет его туда за руку.

Это был обезоруживающий выпад. Больше Римского Носа не перебивали.

Я подозревал, что у такого опытного прерийного волка, как Вокуини, уже созрело решение. Просто он делал нужную паузу. Мнение воина становится веским, если он не спешит с ответом.

– Но мы не будем атаковать сейчас, – наконец твердо произнес он. – Тетивы шайенских луков отсырели за ночь, и шайены не совы, чтобы охотиться во тьме. Когда наступает утро, крапчатый орел взмывает с гнезда и поднимается в небо до тех пор, пока не увидит все вокруг. Заметив добычу, птица парит в вышине, выбирая момент для быстрого броска. Затем она складывает крылья и обрушивается на добычу стремительнее молнии, расщепляющей одинокое дерево… Так поступит Вокуини! Так поступят Кривые Копья!

Что может сравниться с подобным красноречием?! Римский Нос, мне кажется, лукавил, когда говорил, что он не оратор. Сам Логан, ирокезский любитель красивых слов, мог позавидовать подобной искрометной речи.

Дожидаясь рассвета, мы подкрепились «индейским хлебом» – пеммиканом, состоявшим из сушеного бизоньего мяса, жира и толченой земляники.

С первыми лучами солнца, Римский Нос отправился в разведку, прихватив с собой меня и Чарли Бента.

Стоянка липанов и мескалеро располагалась в узкой лощине, и мы постарались подползти к ней так, чтобы ветер дул нам в лицо.

В лощине, покрытой легкими полосами утреннего тумана, горело несколько небольших костров. Явственно слышался запах приготовляемой пищи – жареной оленины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/yurov_sergey/belyy-shayen

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити